

© 2002 г. В.М. АЛПАТОВ

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ЖУРНАЛА "ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ"

Исполнилось 50 лет со дня выхода первого номера журнала "Вопросы языкознания". Публикации журнала отразили многие этапы развития отечественной науки о языке за половину столетия.

Журнал "Вопросы языкознания" был создан на основании решения Президиума Академии наук СССР, принятого 01.07.1950 г., через несколько дней после публикации в газете "Правда" статьи И.В. Сталина "Относительно марксизма в языкознании". После столь чрезвычайного события наука о языке оказалась на некоторое время в нашей стране (отчасти и в других странах) в центре общественного внимания. В числе мер, которые предполагалось принять для развития языкознания в СССР, было и создание специального лингвистического журнала.

Такого журнала до того времени не было ни в дореволюционной России, ни в СССР. В наибольшей степени подобную роль играли "Известия АН СССР. Серия литературы и языка", однако в этом издании печатались (и печатаются до сих пор) не только лингвисты, но и литературоведы, и объем, приходившийся там на языкознание, – невелик. Имелись также журналы с более специализированной тематикой ("Русский язык в школе", "Иностранные языки в школе"), ученые записки филологических факультетов университетов и неперIODическое издание Института языка и мышления АН СССР "Язык и мышление" (прекратившееся после начала выхода "Вопросов языкознания" – далее ВЯ). Безусловно, издание всесоюзного журнала по языкознанию было необходимым. Перед новым изданием встала задача стать печатным органом, объединяющим ученых из разных союзных республик и городов, академическую и вузовскую науку.

Главным редактором нового журнала был утвержден академик В.В. Виноградов, ставший в это время главой филологических наук в СССР. Безусловно, для того времени это была наилучшая кандидатура. Крупный ученый–русист, человек обширных знаний и высокой культуры, он относился к своим обязанностям в журнале очень ответственно и много сделал для того, чтобы журнал действительно отражал наиболее значительные достижения советской науки о языке. Виктор Владимирович руководил журналом более семнадцати лет, до конца своей жизни.

В первый состав редколлегии ВЯ вошли С.Г. Бархударов, Н.А. Баскаков, Е.А. Бокарев (секретарь журнала), Р.А. Будагов, А.И. Ефимов, Н.А. Кондрашов, Н.И. Конрад, В.Г. Орлова, Г.Д. Санжеев (зам. главного редактора), В.М. Филиппова, А.С. Чикобава, Н.Ю. Шведова. В целом этот состав был хорошо продуман, в редколлегия были включены специалисты по разным языкам и языковым группам: русисты, славист, романист, кавказоведы, тюрколог, монголист, Н.И. Конрад был китаистом и японистом. Наряду с уже известными учеными в нее вошли совсем тогда молодые Н.А. Кондрашов и Н.Ю. Шведова. Этот состав в основном сохранился до конца 1955 г., когда произошла первая значительная реорганизация редколлегии; лишь в конце 1954 г. вместо Р.А. Будагова в нее вошел Б.А. Серебрянников.

Перечисленный состав редколлегии вел журнал весь первый период его существования 1952–1955 гг. Эти годы, особенно 1952–1953 гг., проходили в нашей науке о языке под сильным влиянием событий июня–июля 1950 г., когда появились

публикации И.В. Сталина по вопросам языка. Передовая первого номера журнала называлась «Задачи советского языкознания в свете трудов И.В. Сталина и журнал "Вопросы языкознания"», а в начале ее говорилось: «Советское языкознание, возрожденное трудом И.В. Сталина "Марксизм и вопросы языкознания" к кипучей и деятельной жизни, направленное гением великого ученого по новому пути, переживает в настоящее время пору своего обновления, своей перестройки во всех основных своих частях» (1952, 1: 3)¹. Так обо всем связанном с именем И.В. Сталина писали тогда везде. Но перестройка советского языкознания действительно шла. Важно выяснить, как она отражалась в журнале.

Как известно, значение сталинских работ было двояким: в них отвергалось признанное до того официально "новое учение о языке" Н.Я. Марра и выдвигались некоторые позитивные идеи. ВЯ начал выходить через полтора года после появления этих работ. За это время развенчание марризма как в главных его положениях, так и конкретных деталях в основном уже состоялось. Характерно приводимое в ВЯ (1953, 1: 148) высказывание А.И. Смирницкого о том, что уже нет смысла критиковать марровские положения. И действительно, с самого начала издания журнала антимарровская проблематика не занимает там большого места. Хотя почти в каждой статье первых лет ВЯ есть фразы и абзацы, осуждающие марризм, но нет ни одной публикации, тематика которой исчерпывалась бы его критикой. Несомненно, редактор журнала старался, чтобы в нем преобладали позитивные результаты исследований.

Еще одно, явно бросающееся в глаза отличие журнала, например, от "Известий АН СССР" того же времени: в нем очень мало публикаций "проработочного" характера в отношении советских языковедов (при иногда очень резкой критике зарубежных ученых, о чем речь пойдет ниже). Одно из очень немногих исключений – хроника, посвященная проработке выдающегося ираниста и теоретика языкознания В.И. Абаева на ученом совете Института языкознания АН СССР (1952, 2: 156–159). В данном случае оттолкнуться было нельзя: против ученого появилась статья в "Правде", где он в числе прочего обвинялся в "осетинском национализме". Однако при резкости ряда выступлений итог заседания оказался неожиданным с точки зрения нынешних представлений о проработках сталинского времени: "оргвыводов" не последовало, а В.И. Абаеву было предложено "активно включиться" в работу по перестройке советского языкознания и опубликовать статью в журнале "Вопросы языкознания". Вскоре (1952, 5: 56–69) действительно появилась статья "О принципах этимологического словаря", ставшая началом почти полувекового сотрудничества В.И. Абаева с журналом. В статье нет никакого покаяния. Отметим, что в ВЯ с самых первых лет публиковались и другие языковеды, ранее критиковавшиеся за марристские идеи: А.В. Десницкая, М.М. Гухман, Л.И. Жирков и др. Обратим внимание и на появление в ВЯ некоторых запретных тогда имен: Р.И. Аванесов (1952, 6: 33) упоминал расстрелянного Н.Н. Дурново, а Б.В. Горнунг, В.Д. Левин и В.Н. Сидоров – находившуюся в заключении Г.М. Василевич (1952, 1: 44).

Хотя работы И.В. Сталина внешне выглядели как сочинения по вопросам марксизма в языкознании, но собственно марксистская проблематика в ВЯ первых лет занимает очень небольшое место (речь, разумеется, не идет о частых появлениях слов "марксизм" и "марксистский" во многих статьях самой разной тематики). Можно отметить лишь статью Г.С. Кнабе о законах диалектики в языке (1953, 1) и статью Э.Я. Егерман, посвященную отражению вопросов языка в теоретических работах видного итальянского марксиста А. Грамши (1954, 5). Вероятно, редактор журнала и многие его авторы ощущали, может быть, и не до конца осознанно, что И.В. Сталин по существу снял с повестки дня вопрос о построении особой марксистской лингвистики, активно у нас обсуждавшийся в 20-е гг. и начале 30-х гг. В его публикациях достаточно явно предлагалось развивать идеи и методы русской науки о языке

¹ Здесь и далее ссылки на ВЯ даются в тексте с указанием года, номера журнала и страницы.

дореволюционного периода. В.В. Виноградов и многие советские языковеды тех лет, как бы они ни относились к И.В. Сталину, безусловно одобряли такую постановку вопроса. Ориентация на постулаты науки XIX в. и начала XX в. четко проявилась во многих публикациях ВЯ 1952–1955 гг.

Уже в упомянутой передовой статье, открывавшей первый номер журнала, постоянно говорится об историзме как обязательном свойстве научного языкознания. "Отход от историзма, отказ от исторического изучения языка" признается здесь основной тенденцией "идеалистической зарубежной лингвистики" (1952, 1: 6), а изучение разных языков вне генеалогического родства отождествлялось с марристским "единством глоттогонического процесса" (1952, 1: 7). Среди основных проблем, впрочем, упоминается вопрос о грамматической структуре языка, но вместе с вопросом о законах развития этой структуры (1952, 1: 11). В статье также говорится о необходимости изучать язык в тесной связи с изучением истории народа (1952, 1: 7), о важности знакомства с наследием русских дореволюционных языковедов (1952, 1: 35–36). Если идеи русских дореволюционных историков в те годы использовались со значительными оговорками, а немарксистская русская философия оставалась под запретом, то классическое русское языкознание после выступления И.В. Сталина стало как бы полностью реабилитированным. Его идеи активно использовались во многих работах, в том числе в ВЯ; некоторые труды были переизданы или изданы впервые; см. публикацию (1953, 1) о подготовке к печати двухтомника трудов Ф.Ф. Фортунатова.

Ориентация на исторические и сравнительно-исторические проблемы очень заметна в первые годы ВЯ, особенно в 1952–1953 гг. Статьи такого рода явно преобладают. При этом, конечно, надо учитывать, что в то время многие области языкознания, прежде всего индоевропеистика, только-только начали возрождаться после запрета при господстве марризма, поэтому ряд публикаций, особенно в первых номерах журнала, имел не только исследовательские, но и просветительские задачи. См., например, статью Б.В. Горнунга, В.Д. Левина и В.Н. Сидорова в первом номере журнала с изложением традиционной методики компаративного исследования или статью А.В. Десницкой (1952, 4), где рассказывается о принадлежности хеттского и тохарского к индоевропейской семье. "Перекус" в сторону исторического и сравнительно-исторического языкознания несомненно находил обоснование в теоретических статьях главного редактора. Так, в статье о внутренних законах развития языка (1952, 2) В.В. Виноградов сводил понятие лингвистического закона к законам исторического характера, возвращаясь к идеям младограмматиков. Для того времени это был шаг назад не только по сравнению с Ф. де Соссюром, но и с Н.В. Крушевским, выделявшим как "динамические", так и "статические" законы.

С самого начала существования ВЯ большое место в журнале заняло рассмотрение идей и методов зарубежной лингвистики. В то время оно, безусловно, не могло быть объективным. Сказывались два фактора: общая ориентация советского языкознания тех лет на вопросы языковой истории и влияние конъюнктуры, связанной с находившейся тогда в самом разгаре "холодной войной".

Вершиной мировой науки о языке в ВЯ, как и в советской лингвистической историографии тех лет вообще, считалась русская наука. В некоторых публикациях речь шла о приоритете русских ученых над зарубежными; например, А.П. Баранников писал о приоритете А.Х. Востокова и автора анонимной книги 1811 г. "О сходстве санскритского языка с русским" перед Ф. Боппом и Я. Гриммом (1952, 2: 46). Однако компаративистика XIX в. от Ф. Боппа до младограмматиков все-таки оценивалась в целом положительно, а учет ее результатов признавался необходимым.

Сложнее обстояло дело с лингвистикой XX в., особенно современной. Уже в передовой статье первого номера в соответствии со стандартами эпохи "холодной войны" говорилось о необходимости борьбы с западной "идеалистической" лингвистикой, для которой характерны "духовное оскудение" и "маразм" (1952, 1: 5–6). Однако не вся западная наука о языке XX в. считалась "маразматической". См., например, положи-

тельную рецензию В.Ф. Шишмарева на русское издание книги покойного Э. Бурсье (1954, 1) или лояльную рецензию К.В. Горшковой на книгу Х. Станга (1954, 2). В одной из статей Б.В. Горнунг проводил деление западных ученых на более и менее приемлемых для советского языкознания (1952, 4). К числу более приемлемых он причислил таких действительно крупных лингвистов, как Е. Курилович, Э. Бенвенист, В. Пизани. Нетрудно видеть, что выше оценивались те ученые, которые продолжали (полностью или частично) традиции науки XIX в. Б.В. Горнунг одобрял деятельность перечисленных лингвистов за то, что они не отказались от занятий сравнительно-историческим языкознанием.

Гораздо более суровым было отношение к структурализму, в то время безусловно господствовавшему на Западе. Уже в передовой статье первого номера Ф. де Соссюра резко осуждается за "антиисторизм", ставший "знаменем идеализма современной зарубежной лингвистики", за разделение синхронии и диахронии, внутренней и внешней лингвистики (1952, 1: 8). Из поставленных Ф. де Соссюром проблем заслуживающей внимания признается лишь проблема языка как системы знаков, которая может быть решена "и в материалистическом, и в идеалистическом духе", а подход Ф. де Соссюра – "идеалистический", характеризующийся "абстрактным психологизмом" (1952, 1: 9) (ср. критику "абстрактного объективизма" Соссюра у В.Н. Волошинова). Последователи швейцарского ученого (В. Брэндаль, Л. Ельмслев) сопоставляются с авторами "универсальных грамматик", разруганными в "Анти-Дюринге" (1952, 1: 6). Сходство здесь однако только внешнее: Ф. Энгельс противопоставлял передовые для того времени идеи классиков компаративистики концепциями эпигонов грамматики Пор-Рояля, тогда как в середине XX в. идеи синхронной лингвистики отражали новый этап развития науки и никак не повторяли эти устаревшие концепции.

Наконец, в статье выдвигалась и идея о вреде общелингвистического подхода к языку и поиска "общечеловеческих" фактов, поскольку "материалистическая" лингвистика обязательно должна отражать специфику тех или иных национальных языков (1952, 1: 7). Здесь чувствуется подход не столько В.В. Виноградова, сколько А.С. Чикобава, роль которого в советской лингвистике тех лет была очень значительной. Этот языковед особенно последовательно отстаивал крайний эмпиризм, свойственный многим младограмматикам.

В последующих номерах журнала мы находим немало статей или фрагментов в более общих по тематике статьях, где содержится уничтожающая критика Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева, Э. Сепира, Ж. Вандриеса, К. Фосслера и др. Эта критика нередко переходила все допустимые границы, иногда ученым предъявлялись совершенно фантастические обвинения. Например, М.М. Гухман обвиняла Э. Сепира в расизме, но поскольку советскому читателю была известна книга Э. Сепира "Язык", где расизма безусловно нет, то говорилось, что эта книга не так показательна, а наиболее реакционны поздние неназванные работы ученого (1954, 1: 110).

Однако одни и те же ученые могли оцениваться по-разному в зависимости даже от тематики их исследований. Из работ Ф. де Соссюра "реакционным" именовался лишь "Курс общей лингвистики", а выдвинутая им в компаративистике ларингальная гипотеза оценивалась вполне положительно (1952, 1: 58). Даже у эмигранта Н. Трубецкого по-разному оценивалась концепция языковых союзов: наряду с языковедами, отвергавшими ее (Т.С. Шарадзенидзе), были и ее сторонники (Б.А. Серебренников) (1952, 5: 124).

Однако даже в те годы позиция отыскивания в западной науке лишь свидетельств "маразма" и "духовного оскудения" поддерживалась далеко не всеми лингвистами в СССР. Уже в № 1 за 1953 год в хронике обсуждения ВЯ на ученом совете Института языкознания АН СССР отмечена критика в ряде выступлений трактовок западной науки в журнале; в частности, говорили, что часто неясно, что собственно критикуется; редакция признала эти замечания правильными и анонсировала статью О.С. Ахмановой против глоссематики, в которой критикуемая концепция будет изложена достаточно подробно (1953, 1: 146).

Статья О.С. Ахмановой, вскоре напечатанная (1953, 3), шла еще дальше. Резкая критика действительно довольно подробно пересказываемых идей глоссематики (которые отвергали многие лингвисты и за рубежом) соседствует здесь с пересмотром ряда оценок в предшествующих номерах ВЯ. Хотя идеи Ф. де Соссюра характеризуются как "шаг назад" по сравнению с Н.В. Крушевским и И.А. Бодуэном де Куртенэ, но предлагается отдавать "в полной мере дань де Соссюру как одному из крупнейших представителей современной лингвистики" (1953, 3: 26). Здесь же О.С. Ахманова вполне принимает разграничение синхронии и диахронии, без которого, по ее мнению, невозможно изучение фоном. В статье чувствуется полемичность по отношению к передовой статье первого номера и ряду других публикаций.

В 1953–1955 гг. в журнале все более заметна прямая или косвенная полемика между авторами в оценках западных ученых. С одной стороны, упомянутая статья М.М. Гухман против Э. Сепира или оценки А.В. Десницкой в ее выступлении в дискуссии о курсе истории лингвистики (1954, 5). Здесь, пожалуй, четче, чем где-либо, выражено разграничение "приемлемой" лингвистики XIX в. и "идеалистической" лингвистики XX в. В курсе истории лингвистики А.В. Десницкая предлагала вполне серьезно рассматривать развитие лингвистики с древности до младограмматиков. А. Мейе и раннего Ф. де Соссюра, автора ларингальной гипотезы. А дальше предлагалось лишь разоблачать идеи позднего Ф. де Соссюра, "воинствующий идеализм" К. Фосслера и т.д. Это было очень похоже на обычный в советское время подход к истории философии, где предшественники К. Маркса и Ф. Энгельса рассматривались всерьез, а философов-немарксистов последующих эпох трактовали лишь с точки зрения выражения ими "оскудения" и "маразма".

С другой стороны, в это время появляются гораздо более дифференцированные оценки у той же О.С. Ахмановой, которая еще при жизни С. Карцевского подробно и вполне сочувственно пересказала его концепцию асимметричного дуализма (1955, 3); в той же статье положительно охарактеризован и А. Мартине. Отметим и пересказ без какой-либо критики идей того же К. Фосслера и его последователя Л. Шпитцера у Р.А. Будагова (1955, 3). Постепенная смена вех видна и в обзоре ведущего американского лингвистического журнала "Language" за 1952–1953 гг., написанном Л.С. Бархударовым и Г.В. Колшанским: "Структуральный метод – это не метод исследования языка, а лишь способ формально-математического изложения результатов исследования, причем эта форма изложения нисколько не прибавляет знания о языке" (1954, 5: 131). С этими словами трудно согласиться, но в обстановке тех лет такая оценка структурализма открывала возможность пользоваться результатами исследований американских дескриптивистов. Любопытны и такие слова в обзоре: «Всё то действительно ценное, что американское языкознание практически делает в области изучения языков (историческое языкознание), – все это заслуга скорее "старого доброго компаративизма", а не модного, но, видимо, недолговечного направления – "дескриптивной лингвистики"» (1954, 5: 136). При неверных посылках последний вывод оказался верным: действительно, "модный" тогда в США дескриптивизм, господствовавший почти четверть века, уже через несколько лет после появления обзора стал терять популярность. Но, конечно, на смену ему вовсе не вернулся "старый добрый компаративизм": пришла пора порождающих грамматик.

Все эти половинчатые и часто робкие попытки более объективного рассмотрения западной науки уже с 1956 г., как мы дальше увидим, сменились очень быстрым пересмотром всего взгляда на развитие мировой лингвистики у многих авторов журнала.

Недооценка современной лингвистики Запада сопровождалась в ВЯ первых лет весьма большим вниманием к тем ответвлениям науки о языке, которые до того часто игнорировались: к лингвистическим традициям стран Востока, а также к лингвистике стран, оказавшихся в составе, как тогда говорили, "стран народной демократии".

Уже в первой передовой статье имелся целый раздел, посвященный изучению языков на Востоке и восточных лингвистических традиций (1952, 1: 16–17). В форму-

лировках этого раздела чувствуется голос Н.И. Конрада, вероятно, автора данной части коллективной статьи. Этот ученый не раз высказывался в те годы в ВЯ по данным проблемам. Упомянутая выше статья А.П. Баранникова (1952, 2) при одиозности ряда формулировок ценна обращением к идеям Панини, Катяяны и других классиков индийской науки о языке. В том же номере Н.И. Фельдман в статье "О специфике небольших двуязычных словарей" рассматривала не только русскую, но и японскую лексикографию. В 1954–1955 гг. в уже упоминавшейся дискуссии о курсе истории языкознания все авторы сходились на необходимости включать в курс восточные традиции; особо интересна в этом отношении статья Г.С. Ахвледзиани (1955, 2).

Большое место в журнале с первых лет уделялось языкознанию восточноевропейских стран, КНР, КНДР, Вьетнама, Монголии. Начиная с № 3 за 1952 в ВЯ регулярно печатались обзоры лингвистических исследований в этих странах, их авторами были ведущие специалисты по соответствующим языкам: С.Б. Бернштейн, И.М. Ошанин, К.Е. Майтинская, Ю.Н. Мазур и др. Довольно скоро стали появляться и первые статьи иностранных авторов. С самого начала ВЯ строился как международный журнал на русском языке, хотя первоначально там публиковались лишь авторы из соцстран. Первой была статья известного болгарского ученого В. Георгиева о происхождении алфавита (1952, 6); ее автор активно сотрудничал с ВЯ и в последующие десятилетия; см. в частности его большую статью о родстве средиземноморских языков (1954, 4). Отметим публикации нескольких статей китайских ученых (1953, 4; 1955, 3). В 1955 г. в ВЯ впервые опубликовали статьи видные польские ученые Е. Курилович (1955, 3) и Т. Лер-Сплавинский (1955, 1), известный венгерский ученый Л. Лигети (1955, 5).

Если наука таких стран, как Китай, в то время впервые становилась известной в нашей стране, то в отношении Польши и особенно Чехословакии остро стоял вопрос об оценке всемирно известной науки о языке в этих странах, сложившейся еще до Второй мировой войны. Показательна здесь статья чехословацкого лингвиста О. Лешки (1953, 5). Критикуя по нормам того времени идеи Р. Якобсона, он в то же время брал под защиту труды политически более нейтральных представителей Пражского кружка, прежде всего В. Матезиуса, и отстаивал право использовать содержавшиеся там идеи.

Что касается подбора отечественных авторов, то он в первые годы существования журнала (а во многом и позже, пока главным редактором был В.В. Виноградов) безусловно был продуманным и целенаправленным. Как не раз указывалось, в большинстве инициатива в подготовке тех или иных статей, обзоров и рецензий, принадлежала редакции; большая часть статей заказывалась авторам. К сотрудничеству в ВЯ были привлечены многие языковеды разных поколений. Печатались и ученые старшего поколения, сформировавшиеся еще до революции: В.Ф. Шишмарев, М.Н. Петерсон, Г.С. Ахвледзиани, Р.А. Ачарян и др. Наиболее видное место в журнале занимали лингвисты, находившиеся в то время в расцвете сил – поколение, вошедшее в науку в 20–30-е гг. Среди них были специалисты разного профиля и разных теоретических взглядов: от В.В. Виноградова до А.А. Реформатского, от О.С. Ахмановой до М.И. Стеблина-Каменского, от В.И. Абаева до Т.П. Ломтева. Публиковались, и чем дальше, тем все больше, представители молодежи, только начинавшие свой путь: Н.Ю. Шведова, Г.В. Степанов, Э.А. Макаев, С.Е. Яхонтов, Вяч.В. Иванов, В.М. Солнцев и др.; многие из них будут связаны с ВЯ долгие годы. Отметим и выступления в журнале видных ученых иных специальностей. Среди них были и ученые, соприкасавшиеся в своих исследованиях с лингвистикой, как психолог Н.И. Жинкин (1955, 3), и ученые, казалось бы, далекие от вопросов языка, как академик в области горного дела А.М. Терпигоров, возглавлявший тогда Терминологическую комиссию при Президиуме АН СССР и интересовавшийся проблемами научной терминологии (1953, 1). Несомненно, и состав авторов, и рассматривавшийся круг проблем хорошо отражали уровень советской лингвистики тех лет.

Этот уровень был достаточно неоднородным. Обширная эрудиция многих авторов

и необходимость заново учиться азам компаративистики. Внимание к лингвистическим традициям на Востоке и нигилизм к ведущим направлениям науки Запада. Немало оригинальных идей и тут же догматический пересказ достаточно упрощенных и по сути не новых сталинских положений. Введение в оборот новых фактов, особенно восточных языков и языков народов СССР, и несомненная русификация многих языковых явлений, особенно бросавшаяся в глаза на фоне постоянных призывов к борьбе с европоцентризмом. Последний недостаток, достаточно обычный для советского языкознания тех лет, особенно явно проявился в статье Н.И. Конрада "О китайском языке" (1952, 3), не принадлежащей к лучшим публикациям этого выдающегося ученого, активно выступавшего в ВЯ в его первое десятилетие. В статье говорилось, что китайский язык будто бы обладает развитой морфологией, включая словоизменение, надо только уметь его искать. А вскоре после этого была опубликована статья того же автора "О литературном языке в Китае и Японии" (1954, 3), ввопившая в научный оборот очень ценный материал и не потерявшая до сих пор научного значения.

Одной из задач, поставленных редакцией с самого начала, была организация научных дискуссий. Здесь можно было использовать высказывание И.В. Сталина о "свободе критики", появившееся в его работах по языкознанию. Поначалу дискуссии в ВЯ не получались, о чем говорилось при обсуждении журнала на ученом совете Института языкознания (1953, 1). В частности, не получилась первая из объявленных в журнале дискуссий: о внутренних законах развития языка, начатая статьей В.В. Виноградова (1952, 2). Возможно, не очень удачна была сама тема. Но вполне удачной оказалась попытка организовать дискуссии по вопросам формирования вузовских лингвистических курсов.

К 1952–1953 гг. ситуация с учебниками по языкознанию была крайне тяжелой. Учебники, которыми пользовались до 1950 г., были забракованы как марристские, а новых не было. Временно читали сокращенный курс "Основы сталинского учения о языке". По некоторым дисциплинам, в частности, по истории языкознания, учебной литературы не было и раньше. И уже с № 4 за 1952 г. началась дискуссия о том, каким должен быть курс введения в языкознание, в следующем номере речь зашла и о курсе общего языкознания. Дискуссия длилась весь 1953 год, ее итоги были подведены в № 1 за 1954 год. В 1954–1955 гг. осуждали проблемы построения еще двух курсов: история языкознания и современного русского языка (дискуссия о курсе истории языкознания уже упоминалась выше). По этим вопросам высказались многие видные ученые. Дискуссия сыграла определенную роль в том, что в течение 50-х годов по трем из четырех предметов появились учебники. Например, по введению в языкознание из нескольких изданий конкурентоспособным оказался значительно переработанный вариант впервые вышедшего в 1947 г. учебника А.А. Реформатского (участника дискуссии в ВЯ). По истории языкознания стабильный учебник так и не появился; его роль отчасти смогла выполнить появившаяся в это же время хрестоматия В.А. Звегинцева.

Еще одной дискуссией, уже чисто научного характера, стала дискуссия по вопросам стилистики, проходившая с № 2 за 1954 по № 1 за 1955 гг. Здесь, вероятно, в выборе темы сыграли роль научные интересы главного редактора. Дискуссия также прошла весьма живо.

Выбор для дискуссий тематики, связанной с преподаванием, отражал заявленную с самого начала ориентацию ВЯ на связь с практикой, на установление контактов со специалистами смежных профессий. Здесь первоначальные планы оказались нереальными. И уже в № 1 за 1953 год редакция была вынуждена признать, что не удалось привлечь к сотрудничеству Министерство просвещения. Академию педагогических наук, а также академические институты философии и истории. Если проблемы преподавания различных лингвистических курсов в вузах активно обсуждались, то проблематика связи между наукой о языке и школой не получила в ВЯ отражения ни тогда, ни позже, отчасти из-за существования специальных журналов.

В условиях, когда языковеды СССР работали в разных городах и подчинялись разным ведомствам (Академии наук, Министерству высшего образования, Министерству просвещения и пр.), журнал стремился стать центром, объединяющим всех. В первые годы предпринималась даже попытка перечисления основных и наиболее актуальных лингвистических тем. Мы имеем в виду печатавшийся дважды (1954, 6; 1955, 5) примерный перечень проблем, которые предполагалось освещать в журнале на следующий год. В условиях того времени такие перечни давали ориентацию не только для авторов журнала. Показательно, как всего за один 1955 год уже стали меняться приоритеты: в первом списке на первых местах историческая проблематика с формулировками из "сталинского учения": "история языка и история народов в связи с проблемой внутренних законов развития языка" (1954, 6: 155); в то же время там уже присутствует такая тема, как "вопросы разграничения языка и речи": идеи Ф. де Соссюра всё более признавались. Во втором перечне на первом месте уже проблематика, связанная с системой языка: синхрония начинала преобладать над диахронией. Однако сама идея рекомендательных списков скоро стала казаться слишком сковывающей развитие науки, и с 1956 г. от таких списков отказались.

Более реальной была задача утверждения ВЯ в качестве информационного центра советской науки о языке. С самого начала в журнале были созданы отделы рецензий, хроники и библиографий. Первоначально дважды в год давалась библиография всей отечественной литературы по языкознанию, выходившей в течение полугодия; потом от этого пришлось отказаться из-за слишком большого числа публикаций. В большом количестве давалась информация о проходивших конференциях, дискуссиях, обсуждениях, в те годы почти исключительно внутри СССР; первая хроника о мероприятии за рубежом – конгрессе славистов в Восточном Берлине – появилась лишь в № 2 за 1955 год. Большое место в информационной части журнала занимали и упоминавшиеся выше обзоры зарубежной лингвистики, поначалу лишь в странах соцлагеря.

Журнал старался откликнуться на все важные события в стране, так или иначе связанные с языком. Периодически (1952, 3; 1953, 4; 1954, 3) в ВЯ давалась информация об открытии в Новгороде первых берестяных грамот в 1951 и последующих годах. Эта проблематика оказалась одной из сквозных в журнале, к новым открытиям берестяных грамот ВЯ обращался (с перерывами) на протяжении полувека вплоть до наших дней. Отметим отражение и таких событий, как значительное изменение в 1951 г. литературной нормы в Молдавии (1952, 1), введение одного из хронологически последних алфавитов для языков народов СССР – дунганского (1953, 5, статья А.А. Реформатского). В то же время журнал отказался от таких жанров, как юбилейные статьи и некрологи, информация о смерти тех или иных ученых если и давалась, то косвенно: например, была дана хроника заседания памяти А.И. Смирницкого с характеристиками деятельности покойного (1954, 6).

Исключение, разумеется, составила смерть создателя "сталинского учения о языке"; опубликован был однако лишь официальный некролог, перепечатанный из газет (1953, 2). Вплоть до этого времени фамилия И.В. Сталина встречалась практически в каждой публикации журнала, чаще либо во фразах общего характера, либо в сопровождении той или иной цитаты из сталинских публикаций, в отношении которых быстро сложился (как и раньше в отношении сочинений Н.Я. Марра) определенный канон. В то же время некоторые высказывания И.В. Сталина старались не упоминать, особенно явно ошибочную формулировку о курско-орловском диалекте как основе русского литературного языка. Некоторые русисты поспешили заняться подбором иллюстративного материала к сталинскому заявлению, однако в ВЯ так и не появилось ни одной статьи специально на эту тему, а все ее упоминания в журнале сопровождалось оговорками о ее сложности и неизученности; все же публикации о курско-орловском диалекте резко критиковались (1952, 1: 18; 1953, 2: 47–70).

После смерти И.В. Сталина его имя быстро исчезает со страниц журнала. Уже в № 3 за 1953 год, следующем после номера с некрологом, помещена большая рецензия А.П. Евгеньевой на второе издание словаря С.И. Ожегова, где эта фамилия

не упомянута. К концу года таких статей уже довольно много, в № 1 за 1954 год И.В. Сталин назван лишь в четырех статьях, а в № 3 за этот год впервые не упомянут вообще. За весь 1955 год мы обнаружили это имя лишь в четырех статьях, в последний раз в статье Ш.И. Микаилова "Литературные языки Дагестана" (№ 6), после чего в № 4 за 1956 год о работах И.В. Сталина по языкознанию уже говорится критически.

Отказ от ссылок на "сталинское учение о языке" сам по себе еще не означал изменений по существу. В целом ВЯ за 1954 и 1955 годы не так сильно отличается от ВЯ за два предыдущих года, хотя некоторые изменения, как отмечалось выше, уже происходили. В 1956 г. все меняется очень значительно. Начинается новый период работы журнала, в целом продолжавшийся вплоть до реорганизации его редакции в 1971 г.

Началом нового периода стали изменения в составе редколлегии, объявленные в № 1 за 1956 год. Сменились заместитель главного редактора и секретарь: ими стали (в итоге так и оставшись с приставками "и.о.") соответственно Вяч.Вс. Иванов и В.П. Григорьев (Г.Д. Санжеев и Е.А. Бокарев остались в составе редколлегии). В редколлегию также вошла О.С. Ахманова, вышли из нее С.Г. Бархударов и В.М. Филиппова. С начала 1957 г. членом редколлегии также стал Н.И. Толстой, в 1958 г. выбыл Н.А. Кондрашов.

Впрочем, три первых номера ВЯ за 1956 г. не содержат принципиально особенно нового, разве что с № 3 появляется просуществовавший затем в журнале долгие годы раздел "Из истории отечественного языкознания". Отметим и статью О.С. Ахмановой и Вяч.Вс. Иванова "О некоторых вопросах и задачах описательной, сравнительной и сравнительно-исторической лексикологии" (1956, 3), где повторены высокие оценки Е. Куриловича и уже покойного С. Карцевского и, кажется, впервые у нас упоминается (вполне сочувственно) метод глоттохронологии М. Сводеша.

Все резко меняется с № 4, подписанного к печати 22 августа 1956, вскоре после первого появления в открытой печати формулировок XX съезда о борьбе с культом личности. В передовой статье номера говорилось: "Свобода и широта конкретно-исторических исследований и их теоретических обобщений во многих случаях ограничивались и стеснялись догматической верой в непреложную истинность всех положений работы Сталина"; осуждалось "неумеренное применение цитат из работ И.В. Сталина, некритическое отношение к ним" (1956, 4, 3). Перечисляются ошибки Сталина: неверные оценки роли французского языка в средневековой Англии и, разумеется, курско-орловский диалект (1956, 4: 4); другие же положения его работы названы неоригинальными: например, о внутренних законах развития языка ранее писал Ж. Вандриес (1956, 4: 4). Отметим, что в дальнейшем антисталинская тема не получила в ВЯ особо большого развития и о сталинских публикациях писали лишь время от времени, более всего в первой половине 60-х гг.

В то же время в статье подтверждалась ошибочность марризма. Речь не шла о каком-либо возврате к нему, предлагалось другое: "критическое изучение методов современной структурной лингвистики и математической логики" (1956, 4: 6). В статье предлагалось учитывать различие направлений структурализма и оценить его место в синхронном и историческом языкознании; подчеркивался и тот факт, что некоторые видные структуралисты, как Е. Курилович, уже печатались в ВЯ. Прямо пересматривались некоторые конкретные оценки журнала, например, с Э. Сепира снималось обвинение в расизме, предъявленное ранее М.М. Гухман; наоборот, ученый всегда боролся с расизмом и антисемитизмом (1956, 4: 5). Упомянута роль машинной лингвистики. В статье было сказано, что в журнале предполагается начать обсуждение вопросов структурализма.

Уже в том же номере журнала было заметно резкое изменение тона, становившегося все более академичным. Расширялась информация о зарубежной науке: Т.В. Булыгина и Д.Н. Шмелев публиковали очень положительную рецензию на работы английского ученого Р.К. Метьюса по русскому языку: Н.И. Фельдман продолжала начатую в № 3 информацию о современной лингвистике в Японии; много

говорилось о польском языкознании. Отметим еще одну новую для журнала тему, не поощряющуюся в позднесталинское время: эсперанто и другие международные вспомогательные языки (вскоре продолженную в № 6); по этим вопросам основным автором ВЯ был Е.А. Бокарев. С 60-х гг. она надолго исчезла из журнала.

Уже в следующем номере началась дискуссия о структурализме, причем открыла ее статья активного сторонника структурных методов С.К. Шаумяна. В основном она имела просветительский характер, заключая в себе изложение трех концепций: Н. Трубецкого ("Основы фонологии"), Л. Ельмслева ("Пролегомены к теории языка") и З. Харриса ("Метод в структурной лингвистике"), которые, как особо подчеркивается, не противоречат друг другу, а дополняют друг друга. В то время ни одна из этих книг не была издана по-русски (книга З. Харриса не издана до сих пор) и совсем не были у нас известны. Кратко также упомянуты Е. Курилович и А. Мартине. В итоге С.К. Шаумян указывал на "всестороннее развитие структурной лингвистики как нового этапа в истории науки о языке" (1956, 5: 54).

В том же номере началось обсуждение и другой новой проблемы: машинной лингвистики и специально машинного перевода, на который тогда у нас и за рубежом возлагалось столько надежд; была опубликована постановочная статья П.С. Кузнецова, А.А. Ляпунова и А.А. Реформатского "Основные проблемы машинного перевода", где подчеркивалась большая научная и практическая важность этих исследований. Впрочем, первый обзор американских работ по данной тематике появился в ВЯ еще в № 6 за 1955 год.

Дискуссия о структурализме продолжалась в журнале два года. Не все ее участники соглашались с признанием структурализма "новым этапом в истории науки о языке"; см., в частности, весьма скептическую статью В.Г. Адмони (1956, 6). Но все-таки преобладал тон, резко отличный от прежнего. Особенно четко новые подходы выразил М.И. Стеблин-Каменский. Если прежде критика структурализма была прежде всего связана с его "методологией", то в данной статье говорилось, что это "течение в языкознании, а не философская система... Даже если тот или иной представитель лингвистического структурализма и высказывается в чисто философском плане, это не определяет роли соответствующего течения в развитии науки" (1957, 1: 35). М.И. Стеблин-Каменский здесь не совсем был прав: каждый лингвист осознанно или неосознанно исходит из некоторых общих представлений о мире, влияющих на его концепцию (другой вопрос – то, что философские основы разных школ структурализма бывали очень разными). Однако в условиях СССР тех лет такая точка зрения давала возможность использовать достижения структурализма, отмахиваясь от обвинений профессиональных методологов в "пропаганде идеализма". Как указывал М.И. Стеблин-Каменский, структурализм – "не какая-либо законченная система взглядов", а "все оригинальные методологические искания последние 30 лет в области языкознания" (1957, 1: 35). Сейчас ясно, что и здесь имело место некоторорос преувеличение: "последние 30 лет" – это и Л. Шпитцер, и неогумбольдтианцы, а у нас – совсем тогда забытые В.Н. Волошинов и М.М. Бахтин. Но безусловно именно структурализм определял тогда развитие мировой науки о языке, и М.И. Стеблин-Каменский одним из первых указал на это (по иронии истории, почти одновременно с появлением "Синтаксических структур" Н. Хомского, знаменовавших начало новой эпохи). И как справедливо подчеркивал ленинградский ученый, эти искания происходили не только за рубежом: в частности, полемика с некоторыми положениями Ф. де Соссюра у А.И. Смирницкого выдавалась за критику структурализма, но "ведется фактически с позиций структурализма" (1957, 1: 37). М.И. Стеблин-Каменский вовсе не считал, что структуралисты всегда и во всем правы, не соглашаясь, в частности, с "устраниением значения" у некоторых дескриптивистов и трактовкой русских падежей у Р. Якобсона, однако положительное значение структурной фонологии бесспорно. В любом случае идеи структурализма заставляют "критически пересмотреть старые догмы" (1957, 1: 40), что важно, так как у нас "засилье" догматизма "особенно укрепилось после дискуссии 1950 г." (1957, 1: 40).

В дискуссии о структурализме участвовали в основном ученые среднего и старшего поколения; помимо упомянутых выше отметим еще статью А.А. Реформатского (1957, 6). Для нового поколения лингвистов обоснования правомерности структурного подхода не представляли интереса: они просто работали в структурной системе координат.

Дискуссия (в отличие от предыдущих дискуссий в ВЯ) перешагнула и национальные рамки. Среди иностранных участников дискуссии отметим крупного французского лингвиста, ближайшего ученика А. Мейе, М. Коэна. Его выступление оказалось одним из самых критических к структурализму. Ф. де Соссюру с его "геометрическим умом" он противопоставлял своего учителя, всегда считавшегося с фактами (1958, 2: 57–58). Признавая допустимость синхронных исследований языков, М. Коэн был решительно против отрыва языка от речи, грамматики и лексики – от употребления (1958, 2: 60). Статья М. Коэна любопытна и как одна из очень редких в те годы в ВЯ попыток всерьез рассуждать о марксистской и материалистической лингвистике: "Перед нами не стоит задача – создать целостную марксистскую лингвистику рядом с обычной (традиционной) лингвистикой. Но лингвисты, которые осознали ценность диалектического материализма для прогресса науки вообще, должны подумать о решительном и последовательном применении его для дальнейшего прогресса науки о языке" (1958, 2: 64). В целом же в ВЯ в те годы, как и раньше, марксистская проблематика сводилась к общим фразам, преимущественно в статьях к знаменательным датам. В те годы в СССР о марксизме в языкознании уже больше писали не лингвисты, а философы, чьи построения лингвисты чаще отвергали. Показательно в том же номере ВЯ, что статья М. Коэна, рецензия философа А.А. Зиновьева и лингвиста И.И. Ревзина на философский сборник под редакцией Д.П. Горского, резко отрицательная (1958, 2).

После 1956 г. круг авторов ВЯ, и ранее достаточно широкий, еще более расширился. Окончательно были сняты ограничения на публикацию работ ученых, подвергшихся критике в 1950 г.: с № 3 за 1958 г. в ВЯ начал печататься подвергшийся наиболее суровым нападкам И.И. Мещанинов. Еще в большей степени, чем раньше, к сотрудничеству привлекались ученые смежных специальностей: психолог С.Л. Рубинштейн, психолог и нейрофизиолог А.Р. Лурия, акустик Н.И. Дукельский, литературовед И.И. Голенищев-Кутузов, философы А.А. Зиновьев и Г.П. Щедровицкий и др. Среди зарубежных авторов наряду с продолжавшими сотрудничество В. Георгиевым и др. появились многие новые: В. Дорошевский, В. Кипарский, Ф. Микуш, П. Ивич, А. Граур, Ж. Фурке, упомянутый выше М. Коэн и др. Печатались некоторые из языковедов, чье доброе имя было только что восстановлено, в частности, Е.А. Крейнович. Но более всего состав авторов расширился за счет молодежи. Во второй половине 50-х гг. в ВЯ дебатировали (некоторые – еще лишь рецензиями или обзорами), Ю.Д. Апресян, В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев, Д.Н. Шмелев, В.А. Дыбо, Т.М. Николаева, Е.В. Падучева, И.И. Ревзин, В.В. Шеворошкин, Т.В. Булыгина, В.М. Иллич-Свитыч, Г.А. Климов, Т.Н. Молошная, Ю.С. Мартмянов, И.А. Мельчук, А.А. Леонтьев и др. Сотрудничество этих лингвистов с ВЯ в большинстве случаев продолжалось (иногда с перерывами) многие годы. Одни из них развивали структурные методы, другие занимались историей языков или компаративистикой, но все завоевали заметное место в науке.

В то же время заметно расширились публикации, связанные с историей науки, прежде всего отечественной. Некоторые из посмертных публикаций оказывались очень актуальны, как статья Г.О. Винокура "Эпизод идейной борьбы в американской лингвистике" (1957, 2), где материалистические идеи Л. Блумфилда признавались заслуживающими внимания, тогда как идеалистическая антиструктуралистская концепция Л. Шпитцера полностью отвергалась. Если имена Г.О. Винокура, А.И. Смирницкого и др. были хорошо известны, то наследие других ученых по тем или иным причинам оказалось забыто или вообще не известно, стояла задача его введения в научный оборот. Вяч.Вс. Иванов (1957, 3) впервые написал о научной деятельности

тогда еще не реабилитированного Е.Д. Поливанова, дав оценку его основным трудам; там же впервые была напечатана работа Е.Д. Поливанова о конвергенциях в языке. Восстановилась справедливость и в отношении языковедов-эмигрантов. Впервые был опубликован (правда, с существенными купюрами) русский вариант статьи Н. Трубецкого "Мысли об индоевропейской проблеме" (1958, 1); в редакционном комментарии, впрочем, было выражено несогласие с выделяемыми ученым признаками индоевропейских языков. См. также статью Н.С. Поспелова о лингвистическом наследии С. Карцевского (1957, 4). Обращалось внимание и на труды ученых, никогда не бывших ни эмигрантами, ни "врагами народа", но оказавшихся забытыми: С.Б. Бернштейн опубликовал статью о Б.М. Ляпунове с приложением списка его работ (1958, 2). В передовой статье в связи с 40-летием Октября (1957, 5) впервые за долгое время была дана высокая оценка трудов Н.Ф. Яковлева.

С точки зрения восстановления реальной картины истории нашей науку важную роль сыграла статья В.И. Абаева к 25-летию со дня смерти Н.Я. Марра (1960, 1). В ней один из ближайших учеников академика отдал должное его талантам и эрудиции, но в то же время критически оценил как "новое учение о языке", к тому времени уже окончательно ушедшее в историю, так и некоторые личные качества Н.Я. Марра, у которого при замечательных творческих способностях отсутствовал "центр торможения". По сравнению с первой половиной 50-х гг. в ВЯ несколько отошла на второй план русская дореволюционная лингвистика, но и здесь бывали важные публикации: переписки Ф.Ф. Фортунатова с А.А. Шахматовым (1958, 3), студенческих конспектов полностью не дошедшего до нас Дерптского курса общей фонетики И.А. Бодуэна де Куртенэ (1959, 6).

Многие писали в те годы и о зарубежной лингвистике. В отличие от предыдущего периода почти не было критики западных концепций и совсем не появлялись отрицательные рецензии. В это время не только лингвисты младшего поколения, но и, например, О.С. Ахманова высказывалась о лингвистике Запада очень положительно: см. ее рецензии на книгу Р. Якобсона и Г. Халле (1957, 3) или (совместно с Н.И. Конрадом) на вышедшую в Японии "Энциклопедию английского языка" (1959, 2). Чуть ли не единственный пример резкой и в данном случае убедительной критики – отзыв Л.П. Жуковской на публикацию так называемой "Велесовой книги" (1960, 2), которая однозначно оценивается как подделка. Среди упомянутых в ВЯ имен зарубежных ученых отметим Н. Хомского. Еще до появления "Синтаксических структур" И.И. Ревзин упоминал его раннюю работу 1955 г. (1957, 2), а "Синтаксические структуры" очень скоро после их выхода отрецензировала Е.В. Падучева (1959, 1). Довольно подробно пересказав работу, отметив, что для Н. Хомского главное – "не сами доказательства, а постановка задач исследования, выбор аксиом, полученная система определений и выводы" (1959, 1: 137), и похвалив его за внимание к семантике, рецензентка все же тогда еще не могла в полной мере оценить научное новаторство американского ученого. Книга оценена лишь как попытка создания формального синтаксиса, а очень важное, как показало время, обращение Н. Хомского к интуиции носителя языка оценено отрицательно (1959, 1: 137).

Если в США к тому времени формализация лингвистических описаний уже была привычной и, наоборот, возврат на более высоком уровне к учету лингвистической интуиции был новаторством, то в СССР, наоборот, наиболее важным считался переход от традиционных, нестрогих, основанных на интуиции исследований к формализованным и математизированным. Многие лингвисты, особенно принадлежавшие к младшему поколению, тогда считали, что в идеале лингвистика должна полностью строиться по образцу естественных наук. Не все, разумеется, были с этим согласны, а в подобной программе был элемент утопизма. Однако осваивать сделанное в этой области в мировой науке было безусловно нужно. Во многом стояли такие же просветительские задачи, как в отношении освоения сравнительно-исторического метода несколькими годами ранее. В ВЯ появился специальный раздел "Консультации", где популярно излагались идеи и методы современной западной, в первую

очередь американской лингвистики: метод непосредственно составляющих, трансформационный анализ, разработка метаязыка лингвистики и др. Кроме того, в журнале появился раздел "По страницам зарубежных изданий", где перепечатывались наиболее интересные, с точки зрения, редакции, западные публикации, часто обзорного характера.

Интерес к современной западной науке далеко не исчерпывался освоением дескриптивизма и раннего генеративизма. Немало писалось в ВЯ о зарубежных исторических и сравнительно-исторических исследованиях. Отметим, например, обсуждение только что появившегося словаря М. Фасмера (1960, 3), в котором приняли участие В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев. Была помещена подробная информация о знаменитом открытии тех лет: расшифровке критского линейного письма Б (1959, 6). Первая попытка организовать в полном смысле слова международную дискуссию осуществилась в конце 1950-х гг. по вопросу сравнительно-исторического изучения армянского языка, по просьбе редакции в ней приняли участие ведущие западные арменисты. Продолжалось знакомство советских читателей с лингвистикой на Востоке: см. статью Т.Я. Елизаренковой о языкознании в Индии (1956, 6) и обзор индийской лексикографии (1959, 1), обзор арабских работ по лингвистике (1959, 2). Продолжали активно публиковаться ученые из КНР вплоть до ухудшения советско-китайских отношений в середине 60-х гг. Надо также отметить важную статью Н.И. Конрада "О национальной традиции в китайском языкознании" (1959, 6), где помимо китайской традиции кратко рассматривалась и японская.

Активно собиралась и публиковалась информация о развитии языкознания в СССР, в том числе на периферии и в союзных республиках. Постоянным стал раздел "Над чем работают ученые", в котором участвовали многие лингвисты как из Москвы и Ленинграда, так и из других городов. В разделах хроники подробно освещались участие советских ученых в международных конгрессах, конференциях и симпозиумах, в те годы впервые ставшее относительно регулярным. Многие материалы ВЯ были посвящены первым после большого перерыва крупным научным форумам с участием лингвистов, проходившим в нашей стране: Международному конгрессу славистов 1958 г. и Международному конгрессу востоковедов 1960 г.

Много давалось и информации о начавшихся в те годы в СССР исследованиях по автоматическому поиску информации и машинному переводу. Эти исследования были тесно связаны с развитием точных методов в лингвистике, о которых упоминалось выше. Помимо материалов, названных выше, отметим подробную хронику первого семинара в МГУ по математическим методам в лингвистике (1957, 3), статью Т.Н. Молошной о машинном переводе (1957, 4), хронику конференции в Московском институте иностранных языков по машинному переводу (1958, 5) и другие публикации.

Но конечно, главным для журнала продолжала быть публикация научных статей, многие из которых вызывали значительный резонанс. Приведем лишь некоторые из них: статья И.П. Мучника о русском виде (1956, 6), статьи П.С. Кузнецова "О дифференциальных признаках фонем" (1958, 1) и "Об основных положениях фонологии" (1959, 2), статья В.А. Дыбо "О древнейшей метатонии в славянском глаголе" (1958, 6), "Лингвистическая география и этимологические исследования" О.Н. Трубачева (1959, 1), «О некоторых рефлексах индоевропейских "ларингалных" в праславянском» В.М. Иллича-Свитыча (1959, 2), "Опыт теории подклассов слов" А.А. Холодовича (1960, 1), "О двухступенчатой теории фонемы" С.К. Шаумяна (1960, 5), статьи И.А. Мельчука об устойчивости и идиоматичности (1960, 4), о внутренней флексии и чередованиях (1963, 4), стиховедческие исследования А.Н. Колмогорова (1962, 3; 1963, 6); можно было бы упомянуть и многие другие. Отметим и статью С.И. Бернштейна "Основные понятия фонологии" (1962, 5), изданную спустя четверть века после написания и оказавшуюся актуальной. Безусловно, большую роль в развитии советской науки играли и статьи В.В. Виноградова, активно продолжавшего печататься в руководимом им журнале.

Состав редколлегии за эти годы несколько раз менялся по разным причинам, в том числе внешним. С № 2 за 1959 г. по политическим причинам пришлось покинуть пост заместителя главного редактора Вяч.Вс. Иванову, одновременно перестал быть секретарем журнала и В.П. Григорьев (как авторы они продолжали выступать в ВЯ и позже). Для укрепления авторитета журнала В.В. Виноградов тогда пригласил на должности своих заместителей двух видных ученых старшего поколения: академика Н.И. Конрада и члена-корреспондента АН СССР (позднее академика) В.М. Жирмунского (последний тогда же и впервые вошел в редколлегию), ответственным секретарем стал Н.И. Толстой. Некоторые изменения произошли в 1961 г.: выбыли из состава редколлегии В.Г. Орлова и Н.Ю. Шведова, появился М.В. Панов. Значительно изменился состав редколлегии с № 4 за 1964 год, когда ее покинуло большинство ветеранов, входивших туда с первого номера (Н.И. Конрад, Н.А. Баскаков, Е.А. Бокарев, А.И. Ефимов, Г.Д. Санжеев, А.С. Чикобава); из первоначального состава осталась лишь главный редактор. Их сменили новые люди, уже давно сотрудничавшие в журнале, в большинстве принадлежавшие к более молодому поколению: П.С. Кузнецов, Э.А. Макаев, В.З. Панфилов, И.И. Ревзин, Ю.В. Рождественский, О.Н. Трубачев. Новый состав редколлегии, кроме умерших в 1968 г. П.С. Кузнецова и в 1969 г. В.В. Виноградова, сохранился до 1971 г.

Все эти годы, несмотря на указанные изменения в руководстве журналом, сложившиеся в 50-е гг. традиции не очень менялись. Безусловно, их поддерживал прежде всего главный редактор. В опубликованных в ВЯ (1992, 1) воспоминаниях бывшего члена редколлегии Э.А. Макаева рассказывается о том, как Виктор Владимирович до самых последних дней жизни держал в своих руках руководство журналом, как продумывал содержание каждого номера. Э.А. Макаев подчеркивает и то, как главный редактор старался быть выше личных симпатий и антипатий. В.В. Виноградов никогда не скрывал своего достаточно прохладного отношения к структурализму и математическим методам в лингвистике, но понимал, что они занимают значительное место в советской и мировой науке о языке, поэтому должны быть представлены в журнале. При личном несогласии с рядом публикаций, в том числе со статьей самого Э.А. Макаева об изоморфизме в языке (1961, 5), он способствовал их включению в журнал. Сам подбор членов редколлегии, среди которых были ученые разных взглядов, структуралисты и противники структурализма, свидетельствовал о широте подхода и большой терпимости. К тому времени В.В. Виноградов был отстранен от руководства сначала Отделением литературы и языка АН СССР, а потом и Институтом русского языка АН СССР, но журнал оставался под его руководством до конца его жизни, и он отдавал ему свои силы.

В 60-е гг. в журнале продолжал печататься сложившийся в 50-е гг. постоянный круг авторов, пополнявшийся в основном за счет молодежи. Среди новых авторов отметим А.А. Зализняка, В.Б. Касевича, А.Е. Кибрика, О.С. Широкова, Т.В. Гамкрелидзе, Г.И. Мачавариани, А.Я. Шайкевича, В.Г. Гака и др. В то же время публиковались в ВЯ и такие ученые старшего поколения, как А.Ф. Лосев. По-прежнему приглашались в журнал представители смежных специальностей, разброс опять-таки был широк: с одной стороны, в статьях Ю.М. Лотмана (1963, 3), М.Л. Гаспарова (1967, 3), М.Г. Тарлинской (1967, 3) и др. обсуждались проблемы, пограничные между лингвистикой и литературоведением; с другой стороны, в ВЯ сотрудничали математики, строившие модели языка: В.А. Успенский (1964, 6), А.В. Гладкий (1969, 2) и др. Еще богаче, чем в 50-е гг., в ВЯ были представлены лингвисты из-за рубежа. Вот далеко не полный список (некоторые статьи, правда, представляли собой перепечатки): Е. Курилович (1967, 6; 1969, 3), А. Богуславский (1962, 1), С. Роспанд (1965, 3), Б. Гавранек (1961, 1), В. Скаличка (1966, 4), Ф. Данеш (1964, 6), М. Докулил (1967, 6), А. Исаченко (1961, 1; 1966, 6), Р. Ружичка (1966, 4), О. Семереньи (1967, 4), Э. Бенвенист (1961, 3), А. Мартине (1969, 2), В. Пизани (1961, 5; 1966, 4), Э.М. Уленбек (1968, 3), Р. Якобсон (1965, 1), Дж. Гринберг (1964, 4), Ю. Найда (1970, 4), Р.Б. Лиз (1961, 3; 1961, 6; 1962, 4), У. Леман (1961, 2; 1961, 4; 1966, 1). Наряду с обще-

лингвистическими публикациями появлялись и работы по более конкретной тематике, например, по вопросам алтаистики в ВЯ выступали М. Ряснен (1968, 1), Ю. Немет (1968, 2), Дж. Клоусон (1969, 5).

По-прежнему в журнале активно обсуждались проблемы, связанные со структурной и математической лингвистикой. Существовал специальный раздел "Прикладное и математическое языкознание", где печатались и математики, и лингвисты. Раздел "Консультации", правда, прекратил существование. Количественно публикаций по данным вопросам было много, причем просветительские все более уступали место исследовательским. Однако в отличие от конца 50-х – начала 60-х г. в ВЯ вновь стали проявляться критические голоса в отношении структурных методов и возобновилась дискуссия по этому поводу.

Застрельщиком этой дискуссии выступил постоянный автор ВЯ В.И. Абаев (1965, 3). Он выступил с резкой критикой структурализма (а также хомскианства, которое он не отграничивал от дескриптивизма). Его критика бывала в журнале и раньше, но обычно велась либо с "методологических" позиций, либо целиком с позиций традиционного исторического подхода к языку (несколько иначе подходил разве что М. Коэн). В.И. Абаев предъявлял структурализму несколько иные претензии: в том, что он назвал "дегуманизацией". Речь шла прежде всего об изгнании из науки о языке человека. Как указывал В.И. Абаев, ученые XIX в., прежде всего В. фон Гумбольдт, учитывали неотделимость языка от говорящего на нем человека, а структурализм последовательно начал рассматривать язык как внешнее по отношению к исследователю явление, как готовый продукт, что, по мнению ученого, неприемлемо. В.И. Абаев помещал "дегуманизацию" лингвистики в общий культурный контекст XX в., сопоставляя его с "дегуманизацией" в литературе модернизма и др. Критика структурализма в статье перекликалась с тем, что ранее писали В.Н. Волошинов и М.М. Бахтин, с высказываниями Л. Шпитцера, в свое время отвергнутыми и Л. Блумфилдом, и Г.О. Винокуром. Но время было уже другое. Структурный этап в мировой лингвистике заканчивался, а возврат к идеям В. фон Гумбольдта уже провозгласил Н. Хомский (впрочем, его декларации мало повлияли на его собственные конкретные модели).

В СССР однако в 1965 г. еще шло восходящее развитие структурализма. Это проявилось в дискуссии в ВЯ после статьи В.И. Абаева, где большинство участников решительно отвергли ее идеи с позиций структурализма. На этом сходились достаточно разные в других отношениях ученые: И.И. Ревзин и Ю.В. Рождественский (1965, 3), А.В. Гладкий и Л.Р. Зиндер (1966, 3), П.С. Кузнецов и Т.П. Ломтев (1966, 4). Г.И. Мачавариани даже сближал статью В.И. Абаева с марризмом (1965, 6: 133). С другой стороны, почти единственным защитником идей статьи оказался ученик Н.Я. Марра И.В. Мегрелидзе, столь же неосновательно увидевший в ее публикации первый шаг к реабилитации марровского учения (1966, 4). Особенно четким выражением структурного подхода стала статья П.С. Кузнецова, оказавшаяся в какой-то степени его научным завещанием. В критике структурализма у В.И. Абаева он увидел попытку поставить предел развитию науки, стремление держать ее в рамках традиционных методов. Как нередко бывает, при противоположности точек зрения обе стороны были по-своему правы: П.С. Кузнецов отстаивал принципы структурализма как передового направления в науке, действительно тогда в нашей стране не исчерпавшего свой потенциал, а В.И. Абаев указывал на существенную неполноту структурного подхода, в те годы уже становившуюся все более заметной.

Отметим и обращение обеих споривших сторон к сталинской теме, нечасто, как мы отмечали выше, звучавшей в журнале. В.И. Абаев, вовсе не призывая вернуться к марризму, резко критиковал как идеи В.И. Сталина, так и общую обстановку "периода культа личности" в лингвистике. П.С. Кузнецов возражал ему, указывая, что брошюра И.В. Сталина содержит лишь две частные ошибки и в целом вполне научна, а ее публикация все-таки улучшила положение дел в советском языкознании (1966,

4: 67). После этого обсуждение данной проблемы в ВЯ прекратилось более чем на два десятилетия, даже сама работа И.В. Сталина почти не упоминалась, хотя подспудное ее влияние несомненно сохранялось.

В те же годы с резкой критикой структурных методов в ВЯ выступил и другой известный ученый: А.Ф. Лосев (1965, 5; 1967, 1; 1968, 1). Эта критика была весьма нестандартной и зачастую остроумной, но не вызвала такого резонанса, как критика В.И. Абаева, во многом, видимо, из-за того, что велась не с лингвистических позиций.

В США и отчасти в Европе 60-е гг. были переходным периодом от структурализма к новому этапу, начавшемуся после публикаций Н. Хомского. Постепенно этот переход стали осознавать у нас, хотя и не сразу: собственно структуралисты и их противник В.И. Абаев в равной степени считали хомскианство одной из разновидностей структурализма. Как часто бывает, позиция "со стороны" здесь иногда помогала. Во всяком случае, в ВЯ первым на принципиальную новизну идей Н. Хомского указал не лингвист, работавший в рамках новых подходов, а лишь отчасти испытывавший влияние структурализма Б.А. Серебренников. В хронике Международного конгресса лингвистов в США в 1962 г. он особо выделил пленарный доклад Н. Хомского, отметив в нем то, что не видели другие: полемику с Ф. де Соссюром, постановку вопроса о творческом характере языка (1963, 1: 158–159). Ср. статью С.К. Шаумяна в следующем номере (1963, 2), где главным достоинством "Синтаксических структур" признана критика модели непосредственно составляющих.

Впрочем, постепенное осознание отличий хомскианства от структурализма уже в те годы стало давать прямо обратный эффект: началась резкая и обычно бездоказательная критика "модных" идей Н. Хомского и его сторонников. По тону она напоминала обвинения начала 50-х гг. по адресу структурализма, хотя теперь современная западная лингвистика рассматривалась более дифференцированно. Показательна позиция О.С. Ахмановой, которая, как указано выше, в 50-е гг. играла у нас в целом положительную роль в отношении знакомства с западной лингвистикой. В рецензии на книгу Ю. Найды она писала: "Стремление школы Хомского к тому, чтобы выступить в качестве единственно научного, единственно правильного, передового и вполне современного направления ничем не уступает наиболее воинствующим периодам в развитии дескриптивного бихевиоризма" (1968, 1: 135). Ю. Найда, спорящий с крайними дескриптивистами и не принявший хомскианство, противопоставляется в качестве положительного примера.

Приведенные слова О.С. Ахмановой сами по себе даже были справедливы: в хомскианстве многих и у нас, и на Западе раздражали агрессивность, стремление вытеснить другие направления науки о языке. Но эмоции необходимо было подкрепить доказательным разбором положений хомскианцев. Однако другим психологическим фактором была сложность формального аппарата, который у нас, пожалуй, никто или почти никто из лингвистов до конца не освоил. Брешь пытались заполнить публикацией западных антихомскианских сочинений в уже упоминавшейся рубрике "По страницам зарубежных журналов", где появились статьи Дж. Хердана (1968, 2), Э.М. Уленбека (1968, 3). Эти статьи бывали спорны по идеям: Дж. Хердан решительно отвергал идеи о творческом характере языка и неуважительно отзывался о В. фон Гумбольдте (1968, 2: 117), за честь которого пришлось вступаться редакции ВЯ (1968, 2: 112). Но и это было бы не страшно, если бы в журнале были представлены и другие точки зрения. Но очевидным было желание редакции "разоблачать" хомскианство, выбирать из моря публикаций именно те, где идеи Н. Хомского подвергались критике. В 1968 г. это еще вряд ли (по крайней мере, полностью) определялось внешним давлением. Специального разговора требует несомненный факт: собственно хомскианство в СССР не получило распространения (и сейчас в России далеко не господствует); к тому несомненно были не только внешние, но прежде всего внутренние причины. Это не значит, что у нас не происходил постепенный переход от структурализма к генеративизму в широком смысле. Во многом он, в частности, проявился в известной модели И.А. Мельчука и др.

Нельзя не учитывать и того, что не только хомскианство, но даже классический структурализм и формализация лингвистики тогда многими отвергались с позиций, проявившихся еще в начале 50-х гг. Поэтому столь важным казалось П.С. Кузнецову и др. выступить в защиту структурализма, хотя позиция В.И. Абаева на деле была иной. В те годы в ВЯ безусловно положительное отношение к структурализму преобладало, но показательна, например, хроника об обсуждении журнала на бюро Отделения литературы и языка АН СССР 7 апреля 1964 г. (1964, 4: 141–144). Основной спор развернулся по поводу структуралистских публикаций. В их защиту выступали не только И.И. Ревзин и П.С. Кузнецов, но и Н.И. Конрад, однако М.М. Гухман говорила о "математикообразности" ряда статей, а В.З. Панфилов резко отозвался относительно статьи Ю.К. Лекомцева о глоссематике (1962, 4), где этот подход полностью принимался. В итоге было принято решение, в котором говорилось о том, что такого рода статей "излишне много".

Тогда нападки удалось отбить. Видимо, именно после этого заседания прошла упомянутая выше реорганизация редколлегии, а в новом составе позиции структуралистов в целом укрепились. В то же время если сравнивать ВЯ за несколько лет подряд, то видно, как постепенно, без какой-либо очень резкой грани количество статей по структурной и математической лингвистике уменьшается, хотя они и не исчезают совсем. В то же время растет количество публикаций по таким областям языкознания, как индоевропеистика, славистика, история русского языка. Причин, конечно, могло быть несколько: помимо давления извне мог проявляться и объективный спад интереса к формализованным описаниям, нередко не дававшим содержательно новых результатов. Могли проявляться и личные склонности ответственного секретаря журнала Н.И. Толстого, чья роль во второй половине 60-х гг. и в начале 70-х гг. была очень значительной.

В 60-е гг. по-прежнему в журнале старались давать многообразную информацию по истории лингвистической науки. Знакомство с зарубежной наукой далеко не исчерпывалось хомскианством и дескриптивизмом. См., например, обзор лингвистических трудов только что умершего К. Бюлера, сделанный Р.В. Пазухиным (1963, 5), посмертную публикацию выступления Л. Теньера в СССР в 1936 г. (1966, 5) (другое его выступление было опубликовано ранее, 1958, 6).

Гораздо в большей степени публиковались материалы по истории отечественного языкознания. См. посмертные публикации работ Л.В. Щербы, посвященных Ф.Ф. Фортунатову (1963, 5) и А. Мейе (1966, 3), публикацию неизданной статьи С.О. Карцевского (1961, 2), писем А.А. Шахматова (1961, 1) и его статьи о дифтонгах в русских говорах (1964, 5, 6). Появлялись и такие публикации, как студенческое сочинение А.А. Блока о Вуке Караджиче (1963, 4) и стиховедческие тексты В.Я. Брюсова (1968, 6). В первой половине 60-х гг. продолжали появляться публикации ученых, ставших жертвами репрессий: статья Е.Д. Поливанова "Общий фонетический принцип всякой поэтической техники" и список (как вскоре выяснилось, неполный) его неизданных работ (1963, 1) (см. также хронику поливановской конференции в Самарканде, 1965, 1), фрагменты неизданной "Праславянской грамматики" Г.А. Ильинского (1962, 5, 6) вместе с рецензией на нее А.А. Шахматова. Позднее такие публикации исчезают из журнала, хотя упоминания Е.Д. Поливанова встречаются неоднократно. К концу 60-х гг. рамки публикаций расширяются за счет XVIII в.: см. статью В.В. Вомперского о неизданной грамматике русского языка И.С. Горлицкого 1730 г. (1969, 3).

После ухода из редколлегии журнала Н.И. Конрада заметно уменьшается внимание к языкознанию на Востоке. Трудно указать хотя бы на одну значительную публикацию по этой тематике после статьи С.В. Неверова о японской школе "языкового существования" (1963, 6).

Среди областей лингвистики, отраженных в 60-е гг. в ВЯ больше, чем в предшествующие годы, следует отметить психолингвистику и социолингвистику. Правда, психолингвистика и в этот период была представлена в ВЯ лишь эпизодически.

Чуть ли не первая рецензия на зарубежную работу по психолингвистике появилась там в 1964 г. в № 4. См. также хронику международного конгресса психологов (1967, 2).

Значительно большее внимание редакция в эти годы уделяла социалингвистике, ранее очень бедно представленной в журнале. Перелом здесь намечился с 1960 г., когда был опубликован доклад В.А. Аврорина на сессии Отделения литературы и языка АН СССР, посвященной 90-летию со дня рождения В.И. Ленина. В докладе подчеркивалось отставание социалингвистического анализа языков народов СССР от их структурного анализа (1960, 4: 9), говорилось о функциональных типах языков, о развитии литературных языков в СССР за последние десятилетия. В дальнейшем в ВЯ обсуждались вопросы развития разных языков в СССР, соотношения русского языка и других языков (1961, 5; 1962, 1; 1962, 4). В № 1 за 1962 г. был опубликован вопросник по этой тематике, который, однако, вызвал отрицательную реакцию у ряда языковедов, поэтому в № 4 за тот же год появился его новый вариант. К обсуждению вопросов социалингвистики в журнале были подключены и лингвисты Чехословакии, где эта дисциплина имела давние традиции: см. коллективную статью Я. Белича, Б. Гавранека, А. Едлички, Ф. Травничека об обиходном чешском языке (1961, 1). Важное значение для развития советской социалингвистики имели работы под руководством М.В. Панова о развитии русского языка в современном обществе. М.В. Панов опубликовал в ВЯ статью с постановкой данной проблемы (1962, 3), а затем статью об изменениях в фонетике и морфологии русского языка в XX веке (1963, 1). К этим публикациям естественно примыкали по тематике содержательные статьи О.А. Лаптевой, посвященные некодифицированным вариантам современного русского языка (1966, 2; 1969, 1). Затрагивалась и проблема языковых контактов: статья В.Ю. Розенцвейга (1963, 1). И по данным вопросам высказывались достаточно разные точки зрения. Безусловно господствовали идеи о необходимости активной языковой политики, однако была опубликована и статья М.И. Стеблина-Каменского "Возможно ли планирование языкового развития?" (1968, 3), где на основе анализа не слишком удачных опытов конструирования норвежского литературного языка на этот вопрос давался отрицательный ответ.

С социалингвистическими публикациями тематически соприкасались и довольно многочисленные отклики на неудачную попытку реформы русской орфографии в 60-е гг. Еще во время работы комиссии была опубликована статья М.В. Панова с обоснованием основных положений реформы (1963, 2). Затем публиковались отклики на эту статью (1963, 4). После публикации проекта комиссии в печати в ВЯ проходило его обсуждение (1964, 6). В.П. Григорьев рассмотрел отклики на проект в лингвистических изданиях, отметив лингвистическую неграмотность большинства их авторов, особенно писателей (1965, 1). И уже через несколько лет, когда стало ясно, что реформы не будет, итоги дискуссий подводили Л.Р. Зиндер и Л.Н. Булатова (1969, 6). Правильно было отмечено, что "вопрос о необходимости реформы не лингвистический, а чисто социальный" (1969, 6: 57) и что "орфографическая комиссия не могла опереться на социалингвистические и психолингвистические эксперименты, которые подтвердили бы необходимость реформы, ее своевременность и определили бы, на кого она должна быть рассчитана" (1969, 6: 63).

В первой половине 60-х гг. большое место в журнале занимала хроника об основных событиях в лингвистике в разных городах СССР и за рубежом, регулярно велась рубрика "Над чем работают ученые". К концу 60-х гг. намечилось значительное сокращение этой части журнала, которая в основном стала сводиться к хронике уже прошедших конференций. В то же время впервые стали появляться юбилейные статьи (например, статья В.В. Виноградова к 75-летию Н.И. Конрада, 1966, 1) и некрологи: см. большую статью В.М. Жирмунского памяти И.И. Мещанинова (1967, 3), написанный Б.А. Успенским некролог П.С. Кузнецова (1968, 3), а затем в двух номерах (1969, 6; 1970, 1) публикации памяти В.В. Виноградова, скончавшегося 4 октября 1969 г.

Смерть бессменного в течение почти 18 лет главного редактора журнала, до конца жизни активно в нем печатавшегося (последние, уже посмертные статьи – 1969, 6; 1970, 2), была огромной потерей. Трудно было найти другую столь же авторитетную и объединяющую разные школы и направления советского языкознания фигуру. В течение некоторого времени удавалось сохранить ВЯ в прежнем виде. Вплоть до № 5 за 1970 г. журнал выходил без главного редактора, затем исполняющим обязанности стал академик В.М. Жирмунский. Реально журналом в эти полтора года руководил Н.И. Толстой.

Среди публикаций этого времени отметим две значительные статьи В.А. Аврорина об итогах анкетирования, посвященного владению родным и русским языком у народов Сибири (1970, 1) и о принципах языковой политики в СССР (1970, 2), дискуссию по лингвистическим вопросам перевода, в которой участвовали Ю. Найда, Е.Г. Эткинд, А.Д. Швейцер (1970, 4), А.В. Федоров (1970, 6), полемику Н.Ю. Шведовой и Ю.Д. Апресяна по вопросам синонимии (1970, 3; 1971, 1), две статьи с разной трактовкой теории дифференциальных признаков: И.И. Ревзина (1970, 3) и М.И. Стеблина-Каменского и Г.В. Воронковой (1970, 6), большую статью Т.В. Гамкрелидзе "Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки" (1971, 2, 3) и др. Продолжались публикации лингвистической классики: конспекта лекций Л.В. Щербы по русскому синтаксису (1970, 6), вновь – стиховедческих текстов В.Я. Брюсова (1970, 2); см. также две статьи к 50-летию со дня смерти А.А. Шахматова (1971, 2). Продолжали печататься в ВЯ авторитетные зарубежные лингвисты: П. Ивич (1970, 3), Э.П. Хемп, В.У. Дресслер, В. Пизани (1971, 1). Среди лингвистов, впервые опубликовавшихся в ВЯ в этот период, отметим В.С. Храковского, С.В. Кодзасова, В.М. Живова. Единственный раз за несколько десятилетий автором ВЯ стал В.А. Звигицев (1971, 1), в своей рецензии вполне лояльно отозвавшийся о Н. Хомском. Впрочем, продолжалась публикация англоамериканских статей из зарубежной печати (1971, 2). Отметим и сообщения О.Г. Ревзиной о заседании, посвященном 75-летию М.М. Бахтина (1971, 2), где впервые на страницах ВЯ было упомянуто о лингвистических работах М.М. Бахтина и его друга В.Н. Волошинова.

Все резко изменилось с № 3 за 1971 г. В.М. Жирмунский скончался 31 января 1971 г. Главным редактором ВЯ стал член-корреспондент АН СССР Ф.П. Филин, занимавший эту должность до самой своей смерти в мае 1982 г. Вместе со сменой главного редактора произошла самая радикальная смена редколлегии с 1952 г. Из старого состава остались лишь О.С. Ахманова, В.З. Панфилов (ставший одним из заместителей главного редактора), Б.А. Серебренников и О.Н. Трубочев. К ним добавились второй заместитель главного редактора В.М. Солнцев, новый ответственный секретарь Г.А. Климов и члены редколлегии Р.А. Будагов (уже состоявший там в 1950–1954 гг.), А.В. Десницкая, Ю.Д. Дешериев, Г.В. Церетели, В.Н. Ярцева. Этот состав оставался неизменным до 1977 г. (лишь умер в 1973 г. Г.В. Церетели). С № 5 за 1977 г. произошла некоторая реорганизация редколлегии (в отличие от предыдущей существенно не изменившая линию журнала): место А.В. Десницкой и Б.А. Серебренникова заняли Ф.М. Березин, А.И. Домашнев, Ю.Н. Караулов.

Как и при В.В. Виноградове, общий курс журнала определялся главным редактором, однако он был существенно другим. Если В.В. Виноградов старался подняться над личными и даже идейными симпатиями и антипатиями, делать журнал изданием, отражающим разные направления советской науки о языке, то Ф.П. Филин исходил из жестких представлений о "правильном" и "неправильном", "допустимом" и "недопустимом" в советской науке. В прошлом маррист, затем принявший основные положения младограмматической лингвистики, этот языковед не воспринял дальнейшего развития науки о языке. Как и В.В. Виноградов, Ф.П. Филин за годы редакторства много печатался в ВЯ. Его статьи подразделялись на две группы: вполне квалифицированные статьи по вопросам истории русского и других славянских языков (1972, 5; 1980, 4; 1981, 5; 1982, 2 и др.) и статьи "методологического характера". Со статьями последнего типа также регулярно выступали в журнале В.З. Панфилов и Р.А. Будагов.

Эти три автора во многом определяли позицию журнала тех лет по теоретическим вопросам языкознания (что, разумеется, не означало того, что ее разделяли все авторы, особенно те из них, которые публиковали более конкретные по тематике статьи).

Три указанных автора не вполне совпадали по своим подходам: Ф.П. Филин был наиболее последовательным сторонником младограмматизма, Р.А. Будагов во многом испытал влияние школы К. Фосслера и неогумбольдтианства, более молодой В.З. Панфилов кое в чем использовал и идеи более позднего времени. Не совсем совпадали и их исследовательские интересы. Однако в главном они были едины: в борьбе против "модных" и методологически "неправильных" лингвистических течений, которым противопоставлялась "правильная", "марксистская" наука о языке.

Во многом происходил возврат к тому, что провозглашалось в ВЯ в 1952–1955 гг. и от чего журнал сильно отошел в последующие полтора десятилетия, разве что без прямого цитирования сталинских работ. Но если в начале 50-х гг. журнал безусловно отражал достижения советского языкознания того времени, то теперь постоянная публикация статей трех данных авторов создавала неточное представление о том, что происходило в нем в 70-е гг. и первой половине 80-х гг. Если двумя десятилетиями ранее "сталинское учение о языке" имело существенные плюсы по сравнению с марризмом (о чем писал в ВЯ П.С. Кузнецов), то в 70-е гг. возврат к его положениям, а тем более к некоторым марристским идеям был шагом назад.

Ф.П. Филин, Р.А. Будагов и В.З. Панфилов называли себя марксистами и критиковали своих противников за "идеализм". Однако высказывания классиков марксизма у них в основном имели косвенное отношение к их реальным идеям, иногда в их изложении даже допускались ошибки: Р.А. Будагов рассуждал о трактовке теории относительности А. Эйнштейна в "Марксизме и эмпириокритицизме" В.И. Ленина (1981, 2: 26), хотя в этой книге ни о чем таком не говорится. У Р.А. Будагова борьба с идеализмом сочеталась с достаточно благожелательным отношением как раз к тем направлениям, которые сами считали себя идеалистическими, от К. Фосслера до Л. Вайсгербера; последний оказался единственным из зарубежных лингвистов последнего полувека, который был признан заслуживающим упоминания в его кратком очерке истории лингвистики (1970, 6). Однако позиция этих трех языковедов имела совершенно определенные истоки, довольно мало связанные с марксизмом. Можно выделить три их основных положения.

Во-первых, это понимание языкознания как чисто исторической науки, наиболее последовательно выраженное у Ф.П. Филина ("антиисторизм" был его любимым отрицательным эпитетом). Единственным объяснительным методом в языкознании он признавал исторический, см. его статьи (1977, 5; 1978, 2; 1981, 1); "синхронно-системный подход" признавался лишь как средство для решения чисто конкретных задач. Но если отвлечься от апелляций к марксизму (признававшему, как известно, правомерность как исторического, так и логического подходов в науке), то мы имеем дело с обычной позицией языкознания XIX в. "Подлинно научным" и единственно объяснительным считалось изучение языковой истории, в том числе компаративное, а изучение языков вне их истории допускалось лишь как "описательное", считаясь задачей низшего ранга.

Второй чертой, также шедшей из XIX в. был подчеркнутый эмпиризм, нелюбовь к абстракциям. С одной стороны, согласно Ф.П. Филину, "хорошо написанная грамматика японского языка, независимо от философской направленности ее автора, нужна всем, кто изучает японский язык или хочет извлечь из нее нужные сведения" (1977, 5: 5). Это очень похоже на то, что когда-то писал видный младограмматик Б. Дельбрюк: хорошее описание независимо от теории. С другой стороны, для Ф.П. Филина удивительно то, что "находятся даже такие лингвисты, которые, не написав ни одной конкретно-исследовательской работы по какому-либо языку или языковому явлению, занялись "чистой теорией" (1977, 5: 12). Так тоже считали позитивисты второй половины XIX в., когда господствовало, по выражению В.Н. Волошинова, "преклонение перед фактом". Обе указанные черты в недавнем прошлом нашли отражение в "сталинском учении о языке".

Третья же черта шла от марризма, хотя и сглаженного, без четырех элементов и прочей фантастики. Это прямолинейная связь между развитием общества и развитием языка. Ф.П. Филин писал: "Толчком к изменениям (в языке. – В.А.) всегда являются те или иные общественные причины" (1977, 5: 9). Предлагалось соотносить этапы развития языка с историей общественных формаций. Это было шагом назад не только по сравнению с идеями Е.Д. Поливанова, но и со "сталинским учением о языке", акцентировавшим внимание на внутренних законах развития языка. Ф.П. Филин прямо подчеркивал, что марризм во многом (хотя, разумеется, не во всем) был прав; главным его достижением он считал то, что "язык был признан социально обусловленной категорией" (1977, 5: 6).

"Правильной" науке, то есть сочетанию позитивистского языкознания второй половины XIX в. с прямолинейным социологизмом в умеренно марристском духе, противопоставлялись идеи западной науки XX в., особенно Н. Хомского с его "пресловутыми глубинными структурами", по выражению Р.А. Будагова (1974, 1: 130). Постоянно разоблачались "пустопорожние теории", которые "могут пагубно сказаться на образовании подрастающих поколений", обрывки "металингвистического языка" формальной логики и "формально-математические идеи", всякого рода "дедуктивно-формалистические изощрения", как писал Ф.П. Филин (1981, 1: 6). Мы вовсе не хотим сказать, что хомскианство не заслуживало и не заслуживает критики. Но чтобы отвергнуть "изощрения", надо было сначала хоть как-то в них разобраться и выяснить, где мы имеем дело с излишней формализацией (бывает и такое), а где – с необходимой разработкой метаязыка той или иной научной дисциплины.

В большинстве случаев критика генеративной лингвистики ограничивалась общими обвинениями в "идеализме" и "формализме" без анализа теорий. Снова повторялось то, что вызывало нарекания еще в 1952 г.: резкая критика не давала никакого представления о том, что критиковалось. Этот пробел отчасти заполнялся перепечаткой западных антихомскианских статей.

Отношение к структурной лингвистике, к тому времени переставшей господствовать на Западе, но широко распространенной у нас, уже не было столь негативным; даже Ф.П. Филин не мог отрицать того вклада, который внесли структуралисты в изучение конкретных языков. К тому же использовалась критика хомскианства со стороны западных авторов, чаще всего с позиций структурализма. Ф.П. Филин писал: "Кстати говоря, среди американских языковедов имеется немало реально мыслящих исследователей" (1981, 1: 5). Свое неоднозначное отношение к структурализму он выражал так: "Лингвистический структурализм создал различного рода полезные приемы описания языка, которые используются и должны быть использованы в марксистском языкознании, добыл немало разного рода позитивных сведений о языке, но практически в своих установках антиисторичен, а в философском смысле представляет собой одну из разновидностей идеализма, поэтому в методологическом отношении он для нас неприемлем" (1977, 5: 10).

Тон, заданный главным редактором, сказывался и в других публикациях журнала, посвященных зарубежной лингвистике. Были среди них откровенно конъюнктурные, вроде статьи А.С. Либермана, против порождающей фонологии, которая сравнивалась с "Вавилонской башней, распадающейся на наших глазах" (1972, 6: 54). Были достаточно серьезные статьи с критикой структурной лингвистики, как статья В.Г. Адмони (1971, 5), который справедливо указывал, что и противники "традиционной лингвистики" нередко представляют ее неадекватно и борются с фантомами. Однако столь же содержательных антиструктуралистских публикаций, какой в свое время была статья В.И. Абаева, в ВЯ в эти годы не появлялось. Бывали и критические обзоры генеративизма, основанные на серьезном анализе фактов, например, А.Д. Швейцер (1977, 1) показал, что попытки применять генеративную методику в американской социолингвистике дали скорее отрицательный результат.

Но, разумеется, в это время уже нельзя было отвергать всю современную западную науку или даже всю науку, основанную на идеях XX века. Например, О.С. Ахманова

и Т.Н. Шишкина так отозвались на русское издание трудов Э. Бенвениста: "К сожалению, у нас нередко популяризируются направления, совершенно бесплодные"; поэтому хорошо, что "в русском переводе вышла прекрасная подлинно языковедческая работа" (1976, 1: 135). И в эти годы в ВЯ редко появлялись некрологи, но все-таки там сочли нужным почтить память трех действительно крупных ученых: Э. Бенвениста (1977, 3), Е. Куриловича и Б. Гавранека (1978, 5); все трое не только постоянно оценивались высоко в ВЯ, но и сами в нем публиковались. Отметим и достаточно объективную статью В.В. Белого о методологических основах дескриптивизма (1979, 3), где к его положительным сторонам автор отнес отказ от индоевропейских моделей для описания языков иного строя. Не без критики, но всерьез и достаточно объективно оценивалась в журнале западная, в том числе американская социолингвистика, о которой постоянно писали в ВЯ А.Д. Швейцер, А.И. Домашнев и др.

Как и в 1952–1955 гг., в этот период в ВЯ критика "идеализма" в зарубежной лингвистике преобладала над соответствующей критикой в отношении советских ученых. "Советские языковеды, в той или иной степени пораженные теоретической "всеядностью" или пассивностью, желанием стать на позиции методологического плюрализма, которые, как мотыльки, летящие на свет гибельного огонька, спешат "не отстать" от заумных и вредных "мод" (Ф.П. Филин, 1981, 1: 5), чаще обличались анонимно. Отрицательные рецензии на отечественные работы появлялись крайне редко. Одним из немногих постоянных объектов резкой критики был В.А. Звегинцев. На его книгу "Язык и лингвистическая теория" была помещена крайне отрицательная рецензия Р.А. Будагова (1974, 1), где одним из главных обвинений было сочувственное отношение в книге к хомскианству. Позже О.С. Ахманова и Л.В. Минаева писали: «В.А. Звегинцев тем не менее вновь и вновь встает в позу демиурга "теоретической лингвистики"... он не устает сообщать в новых "откровениях" Хомского» (1979, 5: 27). См. также резкую статью Н.З. Котеловой против модели "смысл–текст" (1974, 5).

Нельзя сказать, что в своей критике Ф.П. Филин, Р.А. Будагов и др. были абсолютно неправы. Обвинения противников в схематизме, в игнорировании того, что Ф. де Соссюр назвал "внешней лингвистикой", в недостаточном внимании к языковой истории, а также в следовании "моде" не были беспочвенны. Структурный этап в развитии лингвистики был связан с безусловным сужением проблематики, сосредоточением на решении вопроса "Как устроен язык?" и временным отходом от изучения вопросов о функционировании и развитии языка. Проигрыш в широте одновременно давал возможность выиграть в глубине, глубже познать языковые структуры, однако не всех устраивало обеднение тематики. А выдвигание Н. Хомским на первый план вопроса "Как функционирует язык?" поначалу не было очевидным не только для противников, но и для многих союзников: мешала его увлеченность формальными моделями, похожими на модели поздних дескриптивистов; у нас первым суть хомскианства увидел как раз В.А. Звегинцев, осознавший его коренное расхождение со структурализмом. Не удивительно, что для позитивистов-эмпириков хомскианство могло казаться ухудшенным изданием структурализма: еще больше "дедуктивно-формалистических изощрений" без интереса к конкретным фактам, который все же был в том же дескриптивизме.

Среди претензий постоянных авторов ВЯ бывали и вполне справедливые. Например, Р.А. Будагов писал: "Нельзя не сожалеть, что у нас так мало теперь занимаются собственно филологией" (1973, 6: 130). В ВЯ часто печатали тех немногих ученых, которые это делали, например, М.Ф. Мурьянова. Но даже справедливо отмечая крайности структурного и генеративного подходов, их издержки, авторы ВЯ отказывались видеть в этих подходах то принципиально новое, что они внесли в науку о языке, признавая в лучшем случае частные достижения. Наука XIX века оставалась для них образцом.

Такая позиция вместе с влиянием ряда экстралингвистических факторов привели к отходу от сотрудничества в ВЯ многих его постоянных авторов. Насколько нам

известно, в большинстве случаев речь шла не о нежелании редакции публиковать того или иного автора, а о сознательном отказе ряда лингвистов сотрудничать с Ф.П. Филиным и др. Это подтверждается и тем, что некоторые из них изредка все же публиковались. Так, на много лет отошел от сотрудничества с журналом Вяч. Вс. Иванов, но все-таки именно ему в 1978 г. принадлежал упомянутый выше некролог Е. Куриловича.

Неучастие в ВЯ значительного числа лингвистов в те годы существенно сужало для журнала возможности давать всестороннее представление о развитии советской лингвистики. Приведем один пример. В области типологии лицо советской науки о языке тогда прежде всего определяли три направления: континентальная типология, развивавшаяся в первую очередь Г.А. Климовым, Ленинградская типологическая школа (А.А. Холодович, В.С. Храковский, В.П. Недялков и др.) и Московская типологическая школа А.Е. Кибрика и его учеников. Однако адекватное отражение из них в ВЯ получила лишь первая.

И тем не менее "филинский" период в истории журнала отнюдь не был только периодом потерь и борьбы с "дедуктивно-формалистическими изощрениями". В нем продолжали сотрудничать многие видные лингвисты, особенно в таких областях, как историческое и сравнительно-историческое языкознание, социолингвистика. Вот далеко не полный список наиболее заметных авторов журнала тех лет: В.И. Абаев, А.Н. Кононов, М.И. Стеблин-Каменский, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, А.В. Бондарко, В.Б. Касевич, О.Н. Трубачев, В.А. Аврорин, А.М. Щербак, Н.Ю. Шведова, О.А. Лаптева, Г.А. Золотова, Д.И. Эдельман, Т.Я. Елизаренкова, Т.В. Гамкрелидзе, Л.Б. Никольский, Г.А. Климов. Некоторые видные ученые по тем или иным причинам впервые появились в ВЯ именно в это время: А.Г. Шанидзе, Я.Р. Дашкевич, И.Ф. Вардуль, М.Ф. Мурышов и др. Печатались и языковеды более молодого поколения: Е.М. Верецагин, М.Е. Алексеев, В.М. Живов, Н.Б. Вахтин и др., хотя в целом молодежь сотрудничала с журналом недостаточно. Поднимало научный уровень журнала продолжавшееся участие в нем Н.И. Жинкина, М.Л. Гаспарова. По-прежнему относительно большое место в журнале занимали зарубежные авторы. Правда, наметился некоторый возврат к положению дел первой половины 50-х гг.: преобладали авторы (иногда не слишком известные) из соцстран. Отметим такие имена, как Д. Уорт, Т.А. Себеок, Г. Дёрфер, Л. Дёже, Г. Фогт, С. Эрвин-Трипп, М. Гиро-Вебер, С. Хаттори (первый в ВЯ японский ученый, причем очень крупный), Э. Поломэ и др. Продолжали печататься в журнале В. Пизани и В. Георгиев. Все же заметно повысился по сравнению с двумя предыдущими десятилетиями процент малосодержательных статей или статей по очень узкой тематике. Меньше активной стала редакционная политика: статьи (кроме "методологических") редко заказывались, портфель журнала в основном начал составляться из того, что предлагалось авторами. Со страниц журнала почти исчезли дискуссии.

Значительно меньший объем по сравнению с предыдущим периодом в ВЯ стали занимать материалы по истории лингвистики и особенно публикации. Исключение составил 1974 год, когда большое место в журнале заняли многочисленные и интересные материалы, приуроченные к 250-летию отечественной Академии наук. Отметим статьи Б.А. Успенского (1974, 2), Э.В. Севортына, Э.А. Макаева и Н.З. Гаджиевой (1974, 5), Н.Ю. Шведовой, Ф.П. Сороколетова (1974, 6). Отметим также статью А.В. Десницкой к 150-летию со дня рождения А. Шлейхера (1971, 6). Аналогичные даты, связанные с учеными более позднего времени, редакция вспоминала редко. Например, 50-летие со дня смерти И.А. Бодуэна де Куртенэ отразилось лишь в связи с посвященной этой дате конференцией в Варшаве (1980, 4). Из публикаций более чем за десять лет можно отметить лишь перевод изданной по-французски в 1922 г. работы Н.Н. Дурново (1971, 4) и издание ранее не печатавшейся статьи С. Карцевского (1976, 1). Еще беднее, чем во второй половине 60-х гг., стал хроникальный раздел, целиком сведенный к отчетам о конференциях; были даже номера (например, 1978, 1) вообще без хроники.

После смерти Ф.П. Филина его фамилия в качестве главного редактора продолжала сохраняться по № 1 за 1983 год. Из опубликованного в журнале за это время отметим важные статьи по социалингвистике А.Д. Швейцера (1982, 5) и А.И. Домашнева (1982, 6), большую статью О.Н. Трубачева об этногенезе славян (1982, 4 и 5), материалы по истории лингвистики: В.В. Белого о Д. Уитни и публикацию "Из лингвистического наследия Л.В. Щербы" (обе – 1982, 5). Отметим и возрождение давно прервавшейся традиции: в № 6 опубликован обзор диссертаций по языкознанию, утвержденных в 1978–1981 гг.

С № 2 за 1983 год журнал подписывал новый состав редколлегии, частично сохранивший людей из старого состава, в том числе заместителей главного редактора и ответственного секретаря. Новым главным редактором стал академик Г.В. Степанов. Из редколлегии вышли О.С. Ахманова, Р.А. Будагов, Ф.М. Березин, В.Н. Ярцева. Вернулись А.В. Десницкая и Б.А. Серебrenников. Впервые вошли в редколлегию В.Г. Гак, А.Н. Кононов, Н.А. Слюсарева, Д.Н. Шмелев. Г.В. Степанов руководил журналом недолго: в октябре 1986 г. он скончался, тогда же не стало и А.Н. Кононова. В остальном состав редколлегии, сформированный в 1983 г., сохранялся до конца 1987 г. (главного редактора после смерти Г.В. Степанова не было более года).

Период истории журнала, связанный с именем Г.В. Степанова, оказался переходным. Прекратилась публикация статей "методологического" характера, а Г.В. Степанов в отличие от предшественников избегал публиковать в ВЯ статьи по общим вопросам. Критика структурной и генеративной лингвистики иногда появлялась, но уже не выглядела как позиция журнала: статьи М.Н. Правдина (1983, 6), В.А. Жеребкова (1985, 6). При сохранении прежнего круга авторов ряд лингвистов возобновил сотрудничество в журнале: Т.М. Николаева, Р.М. Фрумкина, Ю.Д. Апресян, В.С. Храковский и др. Среди новых авторов журнала этих лет: Е.А. Хелимский, В.З. Демьянков, И.М. Кобозева, Я.Г. Тестелец; единственный раз (1985, 5) опубликовался в ВЯ столь интересный ученый, как И.Ш. Козинский. Совершенно новая проблематика – выявление речевых механизмов человека через изучение измененных состояний – отразилась в интересных статьях Д.Л. Спивака (1983, 5; 1985, 1; 1987, 2). Наряду с молодежью в ВЯ выступали и старейшие языковеды: А.Г. Шанидзе (1984, 2), В.И. Абаев (1985, 6; 1986, 2); появились последние статьи С.Д. Кацнельсона (1984, 4, 1987, 3) и А.Н. Кононова (1986, 3). Расширился круг зарубежных авторов, отметим статьи У. Дресслера, Х. Бирнбаума, М. Майрхофера. Заметно увеличилось количество статей по истории лингвистики. Журнал откликался, как и раньше на юбилеи классиков науки XIX в.: статьи А.В. Десницкой к 200-летию со дня рождения Я. Гримма (1985, 6), Р.А. Будагова к 150-летию со дня рождения А.А. Потебни (1986, 3). Однако в большей степени, чем раньше, вспоминали ученых XX в.: статьи С.Б. Бернштейна к 100-летию со дня рождения А.М. Селищева (1986, 5), Р.Л. Цейтлин к 90-летию со дня рождения Г.О. Винокура (1986, 6), см. также статью о В. Матезиусе (1986, 4). Редакция старалась дать информацию о школах и направлениях, не получивших ранее должного отражения в ВЯ: обзор работ Ленинградской типологической школы Л. Дёже (1987, 5), обзор исследований по ностратике Е.А. Хелимского (1986, 5). Продолжалась печататься информация о тематике утвержденных диссертаций по языкознанию (1986, 5). В статье Ю.В. Рождественского, И.А. Зарифьян и О.М. Щербаковой (1987, 4) чуть ли не впервые с начала 50-х гг. рассматривалась проблема связи между наукой о языке и школой.

Общественные процессы, получившие название перестройки, не сразу нашли отражение на страницах ВЯ: некоторые проблемы были решены в журнале еще в 1983 г., для решения других еще не пришло время. Впервые новая ситуация отразилась в передовой статье ВЯ "К семидесятилетию советского языкознания", посвященной 70-летию Октября (1987, 5). Впервые здесь, еще в довольно осторожной форме, говорилось о застойных явлениях в советской лингвистике, ее отставании от мирового уровня, однообразии и догматизме, наблюдаемых во многих работах (1987, 5: 6–7).

Вскоре прошла новая реорганизация редколлегии, самая радикальная за все полвека. Достаточно сказать, что из старого состава редколлегии сохранились лишь В.Г. Гак, Ю.Н. Караулов, Г.А. Климов (оставшийся ответственным секретарем) и В.М. Солнцев (переставший быть заместителем главного редактора). Во главе журнала стал академик Т.В. Гамкрелидзе. Его заместителями стали Ю.С. Степанов и Н.И. Толстой (вернувшийся в журнал после семнадцатилетнего перерыва). Одновременно с ними с № 1 за 1988 год в редколлегию вошли А.Н. Баскаков, А.В. Бондарко, Ж.Ж. Варбот, В.А. Виноградов, Н.З. Гаджиева, В.А. Дыбо, А.А. Зализняк, Е.А. Земская, А.Е. Кибрик, А.А. Леонтьев, М.М. Маковский, Т.М. Николаева, Ю.В. Откупщиков, И.В. Соболева (зав. редакцией), С.А. Старостин, Е.А. Хелимский, В.С. Храковский, Г.Ш. Шарбатов, А.Д. Швейцер, А.М. Щербак, а также Вяч.Вс. Иванов, вернувшийся после почти тридцатилетнего перерыва. Состав редколлегии продолжал пополняться и дальше: с № 4 за 1988 г. добавились В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, В.Н. Топоров, а с начала 1989 г. – Л.Г. Герценберг, В.К. Журавлев, С.В. Кодзасов, В.П. Недялков, О.С. Широков. Весь этот состав, кроме умершей в 1991 г. Н.З. Гаджиевой, сохранялся до 1994 г. Одновременно был сформирован редакционный совет, куда вошли многие видные лингвисты старшего поколения, а также большинство прежнего состава редколлегии. Спустя несколько месяцев редакционный совет был значительно увеличен за счет авторитетных зарубежных лингвистов.

Вновь, как при формировании первой редколлегии в 1952 г., ставилась задача охватить все основные области советского языкознания, собрать специалистов по разным группам языков. Теперь для этого требовалось включить в состав редколлегии гораздо большее количество специалистов, чем в начале 50-х гг. Состав редколлегии был действительно представительным, однако оказался слишком обширным для рабочей деятельности, некоторые ученые так и не включились в дела журнала. Редакционный совет реально почти не функционировал.

Тем не менее новый состав редколлегии, кроме всего прочего сильно омоложенный, в значительной своей части включился в работу по реорганизации журнала. Необходимо было преодолеть окончательно односторонность позиции журнала, вновь сделать его центром научной жизни в области языкознания в стране, способствовать расширению контактов между отечественной и мировой наукой. Выбор главного редактора для этих целей был очень удачен: Т.В. Гамкрелидзе, грузинский ученый, пользующийся большим авторитетом и в России, и за рубежом, мог в сложных исторических обстоятельствах играть роль связующего звена между лингвистикой разных народов СССР, а также между отечественной и зарубежной лингвистикой.

Редакция ВЯ старалась идти в ногу со временем, но при этом оставаться в пределах науки. В целом журналу удалось сохранить характер научного издания, что не всегда получалось в те годы у других академических гуманитарных журналов, где нередко возникал уклон в публицистику. Даже при обращении тех или иных авторов к новой для журнала тематике, изучение которой ранее не поощрялось, они старались держаться строго на научной почве. Пример – статья М.Н. Эпштейна "Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса)" (1991, 6), где автор избяжал оценочного подхода. То же можно сказать и о большинстве статей о языке русской эмиграции; эта тема стала регулярной в журнале начиная со статьи Ю.Н. Караулова (1992, 6).

Излишняя публицистичность в духе времени проявилась лишь в немногих статьях, например, в статье Л.П. Калакуцкой, где сопоставлялись русская лексикография и изданный в Японии большой русско-японский словарь (1991, 1): национальные особенности японской лексикографии она стремилась трактовать как взгляд на русский язык глазами "свободных людей". В другой статье Л.П. Калакуцкой (1993, 3) справедливо отмечалась неупорядоченность написания прописных букв в русской орфографии; однако это было лишь поводом для резкого осуждения проявившихся здесь идеологических установок советского периода, взамен этого предлагались

новые стандарты, тоже очень идеологизированные. Сильно политизирована и статья М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой о языке песен В.С. Высоцкого (1993, 1). См. также перепечатку агитационной статьи А. Вежбицкой (1993, 4), освещающей деятельность этого выдающегося ученого с неожиданной стороны. Но это почти и всё.

В гораздо большей степени, разумеется, новые оценки проявлялись в трактовке истории русской и особенно советской науки. В некоторых статьях снова наблюдались попытки научной реабилитации марризма, в частности, у А.В. Десницкой (1988, 6), которая события 1950 г. трактовала как победу "наивного традиционализма" (1988, 6: 34). Резкие оценки сталинских работ без намерений вернуться к марризму содержались и в некоторых других публикациях, например, у В.С. Храковского, А.К. Оглоблина и Н.А. Козинцевой: «простецкие рассуждения "вождя народов"» (1991, 4: 97). В то же время появлялись и статьи с резким и прежде всего политическим осуждением Н.Я. Марра, как статья американской исследовательницы К. Мосс о Н.Я. Марре и О.М. Фрейденберг (1994, 5); при этом делалась попытка свести к минимуму несомненное сходство между рядом идей этих двух ученых. Однако в целом вся эта проблематика также не нашла значительного места в журнале, где совсем не было публикаций, целиком посвященных политической истории советского языкознания (что опять-таки отличало ВЯ от других журналов по гуманитарным наукам). Даже о таком ученом, как Н.Я. Марр, старались писать в академическом ключе. Показательна гипотеза Т.В. Гамкрелидзе, согласно которой даже идея четырех элементов – не чистый абсурд: здесь интуитивно могла быть предугадана идея генетического кода, также состоящего из четырех компонентов (1988, 3: 7).

Отходя от прежних догм, редакция не стремилась полемизировать с ними. Пожалуй, лишь однажды журнал как бы распрощался с подходами, занимавшими столь значительное место в нем в начале 50-х гг., а затем в 70-е гг. и начале 80-х гг. Мы имеем в виду рецензию Э.А. Макаева (к сожалению, почти единственное его выступление в ВЯ в эти годы) на "Лингвистический энциклопедический словарь". Это фундаментальное издание, вышедшее в 1990 г., но رسально подготовленное намного раньше, отразило уровень советской науки о языке начала 80-х гг. со всеми ее плюсами и минусами. Э.А. Макаев, в целом положительно оценив издание, резко полемизировал с авторами некоторых статей о зарубежных направлениях лингвистики: "Если же встать на точку зрения автора статьи, то окажется, что превалирующее большинство лингвистических концепций своей теоретической предпосылкой имеет те или иные субъективно-идеалистические философские теории, и тем самым отечественный языковед, отстаивающий подобную точку зрения, рискует потерять все мировое языкознание" (1992, 2: 147). Это высказывание перекликалось с тем, что за 35 лет до того писал М.И. Стеблин-Каменский, но теперь можно было писать более четко.

Но прежде всего редакция стремилась подойти к лингвистике прошлого и настоящего по-новому не с помощью полемики с прежними точками зрения, а через позитивное изложение взглядов. Стояла задача максимальной ликвидации "белых пятен" в истории науки. Если к 60-м гг. у нас почти не было запретных имен (хотя многие ученые либо были незаслуженно забыты, либо оценивались неадекватно), кроме разве что лингвистов, запятнавших себя сотрудничеством с гитлеровцами, вроде Н. Поппе, то к 80-м положение было много хуже прежде за счет эмигрантов из СССР "третьей волны". Теперь имена этих лингвистов снова стали появляться в ВЯ, в том числе и в качестве авторов: возобновили сотрудничество в журнале В. Шеворошкин (1991, 3), И. Мельчук (1991, 4), впервые опубликовались А. Лубоцкий (1991, 1) и др. Печатались и эмигранты времен войны: О. Прицак (1991, 6). Откликнулся журнал и на смерть Н. Поппе (1992, 3).

В ряде публикаций обращалось внимание на лингвистические работы ученых, подвергшихся репрессиям; Вяч.Вс. Иванов опубликовал статью о лингвистических исследованиях погибшего в 1937 г. П.А. Флоренского (1988, 6), в нескольких номерах

публиковались тексты этого ученого (1988,6; 1989, 1, 3). Также было обращено внимание на наследие И.Е. Аничкова, чья многолетняя деятельность не получила до того должной оценки: см. статьи Д.С. Лихачева и Ю.Д. Апресяна об И.Е. Аничкове (1989, 6), а позднее публикацию его труда об идиоматике (1992, 5).

Также впервые предметом серьезных рассмотрений стали лингвистические идеи, высказывавшиеся людьми, которые считались (иногда даже справедливо) реакционерами. Репутация теоретика неогумбольдтианства Л. Вайсгербера у нас долго была плохой из-за того, что он был лоялен к нацизму; теперь впервые были подробно рассмотрены его взгляды и опубликована его работа (1993, 2). См. также статью М.М. Маковского о лингвистических взглядах Ф. Ницше (1991, 1). Даже М.Л. Магницкий, ранее известный лишь как ретроградный чиновник, был рассмотрен в ВЯ как автор первого в России сочинения по вопросам деловой речи (1993, 1).

Обращалось внимание и на деятельность ученых, "просто забытых", без каких-либо специальных причин, но заслуживающих внимания. В.Б. Крысько писал о вкладе в науку самого талантливого из учеников А.А. Потебни, рано умершего А.В. Попова (1990, 4). Во многом забытым оказался и такой крупный ученый, как Н.В. Юшманов; в ВЯ появилась посмертная публикация его работ (1989, 5). Отметим и обзор ономаσιологических концепций В.П. Даниленко (1988, 1), где наряду с широко известными учеными описывались и уже забытые.

Имя Н. Трубецкого, разумеется, не относилось к забытым или замалчиваемым. Однако его наследие, введенное в наш научный оборот при участии ВЯ еще в 50-е годы, не могло до конца 80-х гг. рассматриваться во всей полноте. Теперь же появилась такая возможность, реализованная, в частности, в предисловии Н.И. Толстого к публикации работы Н. Трубецкого "Общеславянский элемент в русской культуре" (1990, 2) и в статье В.К. Журавлева к 100-летию со дня рождения ученого (1990, 5). Среди других публикаций по истории отечественной науки отметим публикацию рукописи В.И. Даля "Условный язык петербургских мошенников" (1990, 2), первое издание написанной в 1927 г. статьи Г.О. Винокура "О возможности всеобщей грамматики" (1988, 4). Давалась и информация о деятельности тех из здравствовавших ученых, имена которых долго замалчивались в журнале, например, в статье Е.А. Земской к 70-летию М.В. Панова (1990, 6).

Расширились и публикации, посвященные зарубежной науке. Помимо того, о чем говорилось выше, отметим еще две группы статей, обзоров и рецензий. Впервые с начала 60-х гг. начала серьезно рассматриваться лингвистика в странах Востока. Вновь заметное место в ВЯ заняла китайская лингвистика, см. обзор А.Л. Семенов (1988, 1), рецензии на труды, изданные в Китае (1991, 2). Публиковались, хотя и не так часто, и отклики на японские издания, например, на книгу Т. Акамацу по фонологии (1990, 2), см. также упомянутую выше статью Л.П. Калакуцкой. Отметим и публикацию статьи вьетнамского лингвиста Ли Тоан Тханга о вьетнамской картине мира (1989, 3).

Другая группа публикаций, не очень многочисленная, связана с попытками представить общую картину развития мировой лингвистики или хотя бы лингвистики в отдельных странах. Надо отметить обзор ведущего американского журнала "Language" за 65 лет, осуществленный В.З. Демьянковым (1989, 4). В обзоре показано, как в журнале отразился переход американской лингвистики от дескриптивистского этапа, когда изгонялся "ментализм", к новому этапу, начатому Н. Хомским. Важен вывод В.З. Демьянкова о том, что спор между разными направлениями американской науки о языке "решен в пользу менталистов" (1989, 4: 141), то есть лингвистов, учитывающих "человеческий фактор". Однако в те годы в ВЯ о таких проблемах писали нечасто.

Избегалась и проблематика, связанная с проблемами соотношения между отечественной и мировой лингвистикой. Раньше об этих проблемах в ВЯ писали часто, но их решение во многих случаях связывалось с жесткой схемой превосходства русской и советской науки. Теперь этот вопрос оказался на периферии внимания. См., однако,

весьма трезвый обзор В.Г. Гака, посвященный западным исследованиям по языковой политике. Он писал про международное издание под редакцией Ж. Морэ: в нем "просвечивает обычный для западных авторов своеобразный англосаксонский "научный империализм": новизна понятия в науке определяется временем его первого упоминания в американских или английских работах" (1989, 5: 106); так произошло с термином "языковое строительство", представляемым как новый, хотя он многократно использовался в СССР в 20–30-е гг. Безусловно, многолетнее отчуждение между советской и зарубежной лингвистикой поддерживалось с обеих сторон.

Однако в те годы для редакции важнее было не представлять счета к другой стороне, а снять барьеры со своей стороны. Это особо проявилось в значительном расширении публикаций зарубежных авторов, особенно западноевропейских и американских. Включение некоторых из них в редакционный совет играло здесь роль, пусть даже символическую. Печатались и старые авторы: А. Мартине, Дж. Гринберг, У.Г. Леман, В.У. Дресслер, Л. Дёже, М. Майрхофер и др. Впервые среди авторов мы видим именитых ученых старшего поколения: К. Пайка, Г. Фанта, Э. Фишер-Йоргенсен и др. Начиная также сотрудничать в журнале Г.Г. Корбетт, К. Хегер, Б. Хурьх, Ф. Кортланд и др. К ним следует добавить упоминавшихся выше эмигрантов из СССР. Редакция старалась привлечь в журнал известных западных лингвистов разных направлений с одним, однако, существенным исключением: совсем не представлены Н. Хомский и господствующие в США и отчасти в других странах сторонники его моделей. Например, из США печатались либо лингвисты, оппозиционные к хомскианству, либо специалисты в областях, где хомскианство не играет определяющей роли (скажем, в компаративистике).

Второй раз за время существования журнала в отечественной науке встал вопрос о преодолении разрыва между тем, что делалось у нас и за рубежом. Но отношение к этому разрыву было разным, что в полной мере отразилось в ВЯ. Если в 50-е гг. умами овладел лозунг "учиться" и в ВЯ регулярно велась рубрика консультаций, то теперь господствовало мнение о том, что мы можем в своей "передовой" части непосредственно интегрироваться в мировую науку, а существовавший разрыв был обусловлен исключительно внеучеными причинами. Поэтому в ВЯ этих лет совсем нет в отличие от 50–60-х гг. статей просветительского характера, а отбор зарубежных публикаций шел в основном по двум критериям: степени известности автора в СССР, а потом в России, и степени близости его идей и методов к тем, которые существовали у нас. В результате публикации зарубежных авторов в большинстве отличались высоким качеством, но не всегда бывали представительны с точки зрения развития мировой науки.

Редакция журнала стремилась также активно публиковать отечественных авторов молодого поколения, которых слишком мало было в ВЯ в 70-е гг. и в первой половине 80-х гг. В 1989–1994 гг. среди новых авторов преобладают молодые: В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, В.И. Подлеская, М.С. Полинская, Е.Г. Борисова, А.Д. Шмелев, В.Б. Крысько, А.В. Яковлев, В.Б. Цимбурский, А.Н. Баранов, Е.С. Яковлева, С.А. Иванова, К.И. Казенин, С.А. Бурлак и др. Большею частью это специалисты либо по семантике, либо по типологии. Лишь немногие из новых авторов журнала занимались историческим и сравнительно-историческим языкознанием. Активная деятельность ряда лингвистов в области ностратики не слишком часто отражалась в журнале. И можно понять Э.А. Макаева, "с печалью в сердце" отмечавшего в упомянутой выше рецензии общее "падение интереса к исторической проблематике" в стране (1992, 2: 148).

Еще в большей степени в данный период наблюдался спад интереса к социолингвистике. Этот спад был естественным: раньше публикаций в этой области в ВЯ бывало много, однако их уровень, особенно в отношении социолингвистических проблем СССР, уже не мог удовлетворять. Однако не очень было ясно и то, что можно заменить прежние подходы. В ВЯ появлялись публикации, посвященные ранее избегавшимся аспектам социолингвистики вроде упоминавшейся выше статьи

полуязычьи (1990, 5); см. также рецензию на книгу П. Серю о советском политическом дискурсе с анализом речей Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева; книга, вышедшая в 1985 г., смогла быть рассмотренной в ВЯ лишь шесть лет спустя (1991, 6). Однако многие более для нас традиционные вопросы социолингвистики вроде анализа языковых ситуаций почти не рассматривались в эти годы в ВЯ как в общетеоретическом плане, так и с точки зрения конкретного анализа. Пробел отчасти восполнялся обзорами западных работ, см. например, уже упомянутый обзор В.Г. Гака и обзор А.И. Домашнева (1988, 5). Редкое исключение – статья Н.Б. Вахтина о языках Севера (1992, 4).

Однако немало было в это время и вопросов, поставленных в ВЯ впервые или после долгого периода. Обращение к ним объяснялось в первую очередь не какими-то внешними причинами, а развитием науки. Отметим лишь одну тему – происхождение языка. У нас она надолго была дискредитирована "гаданиями на кофейной гуще" Н.Я. Марра и его последователей. А на Западе как раз в конце 80-х гг. ей (также после долгого перерыва) занялись всерьез. И за это время в ВЯ дважды публиковались обзоры трудов прошедших за рубежом (без участия специалистов от нас) конференций (1992, 1; 1993, 3). С данной тематикой связаны и вопросы о направленном, телеологическом развитии языка, долго бывшие не в моде и на Западе, и особенно у нас. Теперь же этот вопрос был поставлен в проблемной статье Т.М. Николаевой (1992, 2).

В 1988–1994 гг. журнал стал безусловно интереснее, прежде всего за счет исследовательских статей, отчасти за счет обзоров и рецензий. Слабым местом по-прежнему была информационная часть, продолжавшая сводиться к весьма неполному подбору хроник о прошедших конференциях. Опять-таки бывали номера вообще без хроник, как № 1 за 1993 г. Даже попытки как-то расширить эту часть журнала, предпринимавшиеся в предшествующий период, вроде обзоров диссертаций, сошли на нет.

Редакция старалась публиковать авторов со всей территории СССР, но реально процент авторов из Москвы и Ленинграда (с 1991 – Санкт-Петербурга) стал даже больше, чем раньше. По понятным причинам уже перед распадом СССР и тем более в первые годы после него почти не стало публикаций украинских, закавказских, прибалтийских авторов. Тем не менее даже в это время они все-таки иногда появлялись. Например, в № 1 за 1994 год опубликованы статьи украинского и грузинского авторов.

После распада СССР Т.В. Гамкрелидзе стал гражданином Грузии. Он старался не порывать связи с журналом, но руководить им ученому становилось все труднее не по своей вине. К тому же все более ощущалась громоздкость редколлегии. Новая коренная реорганизация редколлегии журнала, до настоящего времени последняя, произошла с № 3 за 1994 год. Главным редактором стал академик Н.И. Толстой, до того очень много сделавший для журнала в 1957–1971 и 1988–1994 гг. Его заместителем стал академик О.Н. Трубачев. Ответственным секретарем остался Г.А. Климов. Редакционный совет был упразднен. Из старого состава редколлегии остались Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, Е.А. Земская, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик, Т.М. Николаева, Ю.В. Откупщиков, В.М. Солнцев, А.М. Щербак. К ним добавились В.З. Демьянков, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, В.В. Петров. Редколлегия снова стала полностью работоспособным органом.

К сожалению, вскоре после этого журнал понес тяжелые утраты. Никита Ильич Толстой был главным редактором всего два года, 27 июня 1996 года его не стало. Менее чем через год, в апреле 1997 г. скончался Георгий Андреевич Климов, более четверти века выполнявший обязанности ответственного секретаря журнала. В апреле 2000 г. не стало Вадима Михайловича Солнцева, входившего в редколлегию ВЯ почти три десятилетия, в прошлом заместителя главного редактора. Все они много сделали для развития журнала.

110сле г.И.И. Тологого главного редактором ВЯ стал академик О.Н. Трубачев, занимающий эту должность до настоящего времени. Ответственным секретарем посл Г.А. Климова стал М.М. Маковский, вернувшийся в состав редколлегии. И О.Н. Трубачев, и М.М. Маковский принадлежат к ветеранам журнала, сотрудничая в нем с 50-х гг. Заместителем главного редактора с 1996 г. стала Т.М. Николаева, с 1999 еще одним заместителем стал А.Е. Кибрик. В остальном до сих пор сохраняется состав редколлегии, сформированный в 1994 г., лишь в 1999 г. место В.В. Петрова занял А.М. Молдован.

Начавшийся в 1994 г. этап работы журнала продолжается, и его итоги подводит еще рано. Отметим лишь, что редакция старается сохранить сложившиеся традиции журнала и круг его авторов, дать представительную картину развития науки о языке в России, а в какой-то степени и в странах СНГ и Балтии: в журнале продолжают сотрудничать Т.В. Гамкрелидзе, А.Д. Дуличенко из Эстонии, публикуются статьи украинских, узбекских и др. авторов. В то же время журнал все в большей степени становится международным, статьи иностранных авторов встречаются в каждом номере, иногда составляя до половины объема некоторых номеров.

Не стремясь дать всестороннюю оценку сделанному за последние годы в журнале, отметим лишь основные отличия от того, что было в ВЯ ранее. Несомненно более широко представлена теперь по сравнению с 80-ми годами историческая и сравнительно-историческая тематика. Особенно много публикуется работ по славистике и истории русского языка. Нельзя не отметить ежегодно публикуемые с 1994 г. статьи академиков А.А. Зализняка и В.Л. Янина о новых открытиях в Новгороде с текстами найденных берестяных грамот и их переводом; в 2000 г. впервые была найдена древнейшая русская книга. Тема открытия памятников древнерусской письменности в Новгороде оказалась таким образом сквозной для журнала начиная с первого года его издания. Отметим и заметное увеличение числа статей филологического характера, прежде всего русистских и славистических.

С другой стороны, впервые в ВЯ заметное место стали занимать публикации связанные с генеративной лингвистикой в узком смысле. Появились обзоры американских исследований, в частности, см. обзор И. Секериной (1996, 3). Появляются и исследовательские статьи, в которых используются соответствующие идеи и методы; главным образом это статьи лингвистов молодого поколения, см. в виде примеров статьи С.Г. Татевосова и Т.А. Майсака (1998, 1), Я.Г. Тестельца и С.Ю. Толдовой К.И. Казенина (1998, 4).

Безусловно, лицо отечественной лингвистики сейчас определяется не столько работами в хомскианском духе (хотя и эту "крепость" необходимо завоевать), сколько исследованиями в области когнитивной лингвистики, которые хорошо представлены в журнале. В нем активно печатаются все основные отечественные лингвисты этого направления. Мировую известность получили и российские типологические исследования, также многообразно представленные в ВЯ. К сотрудничеству в журнале привлекаются и зарубежные когнитивисты и типологи.

Из немалого количества публикаций по истории лингвистики отметим две, в которых затронута проблематика, ранее в ВЯ нечастая: выявление особенностей современного этапа в развитии лингвистики, подведение итогов развития этой науки в XX веке. Статья В.М. Живова и А. Тимберлейка с характерным названием "Расставаясь со структурализмом" (1997, 3) подвела итоги структурного этапа в развитии лингвистики, исчерпанность которого вряд ли теперь у кого-либо может вызывать сомнения [что вовсе не означает устарелости метода оппозиций или дистрибутивного анализа: всё это вошло в арсенал рабочей методики лингвистов, о чём недавно напоминал в ВЯ О.Н. Трубачев (1997, 2: 6); речь идет об исчерпанности структуралистской теории]. В.М. Живов и А. Тимберлейк, в частности, констатируют, что современная лингвистика преодолела дихотомию "язык-речь" и всё более приходит к выделению речи, или узуса в качестве главного объекта. В статье П.Б. Паршина (1996, 2) подводится итог развитию лингвистики во второй половине XX в., разгра-

ничиваются развитие лингвистической теории и лингвистической методологии. Помимо статей общего характера отметим продолжение обсуждения вопросов истории советской лингвистики: см. спорную, но интересную попытку рассматривать идеи Е.Д. Поливанова и Н.Я. Марра в культуроведческом аспекте в статье А.П. Романенко (2001, 2).

Активнее, чем в 80-е гг., стали рассматриваться в ВЯ вопросы социолингвистики. Особо отметим увеличение количества публикаций, посвященных специфике современной ситуации в современном русском литературном языке; см., в частности, статьи Л.П. Крысина (2000, 4) и Г.П. Нешищенко (2001, 1). Авторы журнала на новом историческом этапе продолжают работу, начатую, в том числе и на страницах ВЯ, М.В. Пановым и др. в 60-е гг. Важно, что современные процессы рассматриваются здесь объективно, без свойственных некоторым авторам стремлений трактовать эти процессы либо как "освобождение", либо как "гибель" русского литературного языка.

Можно отметить и изменения в самом облике журнала. Впервые с 1952 г. начали систематически практиковаться тематические принципы комплектования некоторых номеров. Например, № 3 за 1998 год был специально посвящен XII съезду славистов. В связи со 100-летием со дня рождения основателя журнала В.В. Виноградова специальный номер (1995, 1) был составлен из статей, тематически продолжающих исследования выдающегося ученого, в первую очередь в области истории литературных языков. Аналогичный принцип был использован в номерах памяти Н.И. Толстого (1997, 2 и 3) и Г.А. Климова (1998, 4). Редакция старается восстановить ряд традиций первых десятилетий ВЯ: большее место, чем в 70-е и 80-е гг., занимают обзоры, нередко выполняющие просветительские функции, знакомя читателя с теориями и методами, не освоенными отечественной наукой; с 1998 г. стал расширяться отдел хроники; после долгого перерыва возрождена рубрика "Над чем работают ученые". Можно пожалеть лишь о том, что пока не возобновлена традиция научных дискуссий, организуемых редакцией. В то же время впервые как бы узаконен жанр юбилейной статьи. Например, два номера подряд (2000, 6; 2001, 1) открывались статьями соответственно к 100-летию В.И. Абаева и к 80-летию М.В. Панова.

Безусловно, нельзя в коротком обзоре отразить всё сделанное за полвека в журнале "Вопросы языкознания"; насколько мы выделили главное, судить читателю. Журнал знал взлеты и падения, но всегда играл первостепенную роль в развитии отечественной лингвистики. Остается надеяться на то, что высокая марка журнала сохранится еще на долгие годы².

² Автор выражает благодарность С.А. Крылову, чьи неопубликованные указатели к журналу за первые 40 лет использованы в обзоре.